

СОДЕРЖАНИЕ:

Проектъ увеличенія благотворительнаго сбора съ билетовъ.—Опасный прецедентъ.—Предпраздничные спектакли.—Второй всероссійскій съѣздъ режиссеровъ.—Хроника.—По провинціи.—Томазо Сальвини. *А. Кулея*.—Драма. *О. Дымова*.—Авторъ. *Влад. Азова*.—Изъ театральныхъ воспоминаній. Мина Ивановна. *А. Ленскій*. *В. Лизачова*.—Изъ Москвы. *Н. Эрроса*.—Замѣтки. *Ното Novus*.—Письма въ редакцію.—Провинціальная лѣтопись.—Оглавленіе за 1908 г.—Объявленія.

Рисунки и портреты: Томазо Сальвини, Л. С. Ауеръ, Сара Бернаръ, „Ревизоръ“ въ московскомъ Художественномъ театрѣ (2 рис.), „Деньги“, „Жены“, „Кривое Зеркало“ (5 рис.).

Отъ редакціи.

1 № за 1909 г. выйдетъ 4 января.

С.-Петербургъ, 28-го декабря 1908 года.

Газеты сообщаютъ о проектѣ увеличенія благотворительнаго въ пользу учреждений Императрицы Маріи марочнаго сбора съ билетовъ. Этотъ проектъ, въ связи съ недавнимъ обращеніемъ вѣдомства къ публикѣ съ просьбою содѣйствовать правильному поступленію сбора, обнаруживающему, какъ вполне установлено, большую склонность къ „утечкѣ“, подобно Нарзану—представляется въ высшей степени любопытнымъ. Недостаточность поступленій вытекаетъ не изъ низкаго размѣра обложенія, а изъ въ высшей степени неблагоприятныхъ условій „кап-тажа“—позволимъ себѣ употребить этотъ терминъ изъ „практики“ Нарзана. Не странно ли, что, какъ бы въ благодарность за ожидаемое участіе театральной публики въ контролѣ за взиманіемъ сбора, на нее налагается новый налогъ въ 1 миллионъ руб.? Если бы театральная публика имѣла языкъ для выраженія своихъ коллективныхъ чувствъ, она могла бы отвѣтить: „проще, чѣмъ намъ платить лишній миллионъ, уврачевать недугъ лихоимства и кражи благотворительнаго сбора. Во всякомъ случаѣ, перспектива переплатить лишній миллионъ плохо располагаетъ насъ къ дѣятельному контролю“.

Процентъ „утечки“ благотворительнаго сбора намъ въ точности неизвѣстенъ, но любопытно было бы знать: если увеличеніе налога *должно* дать миллионъ, то каковъ будетъ фактическій „каптажъ“ вѣдомства? И стоитъ ли обременять театральную публику на миллионъ, значительная часть котораго останется въ рукахъ кассировъ?

З. А. Малиновская обратилась къ намъ съ просьбой разъяснить, имѣетъ ли право авторъ или Союзъ драматическихъ писателей, охраняющій права автора, запрещать постановку пьесы и въ городахъ, не поставленныхъ въ отношеніи авторскаго гонорара въ особыя условія. Союзомъ драматическихъ писателей запрещена постановка „Большого чело-вѣка“ І. Колышко въ цѣломъ рядѣ городовъ, которые собирается посѣтить организованная В. А. Немецки труппа. Насколько намъ извѣстно, уставъ Союза драматическихъ писателей предоставляет такое право „въ художественныхъ цѣляхъ“ и „по особому ходатайству автора“. Особое ходатайство здѣсь, очевидно, было налицо. А насколько это со-отвѣтствуетъ „художественнымъ цѣлямъ“ — пока-

жетъ будущее. Союзъ „изъялъ“ для поѣздки г-жи Немецки пьесу г. Колышко 25 городовъ (очевидно, входящихъ въ маршрутъ—тоже „художественныя цѣли“?). Этотъ прецедентъ представляется намъ крайне опаснымъ, и нельзя не сказать, что Союзъ вступилъ на путь неправильный. Авторъ весьма возможно, рассчитываетъ на матеріальный успѣхъ—это его дѣло, хотя чисто петербургская пьеса „въ случаѣ“ можетъ и не оправдать его ожиданій. Но допустивъ, безъ сколько-нибудь серьезныхъ основаній, изъятіе для „Большого чело-вѣка“, Союзъ не будетъ имѣть основаній отказать другимъ авторамъ. Это окажется убыточнымъ и для Союза, и совершенно разорительнымъ для провинціального театра.

Во всякомъ случаѣ, мы предлагаемъ провинціальнымъ антрепренерамъ серьезно подумать о средствахъ предупрежденія подобныхъ явленій.

Читателямъ извѣстенъ уже отвѣтъ Св. Синода на ходатайство кievскаго миссіонерскаго съѣзда о воспрепятствованіи спектаклей въ предпраздничные и предвоскресные дни. Можно облегченно вздохнуть, прочитавъ отвѣтъ Синода! Горькая чаша миновала театръ.

Едва ли нужно повторять избитыя истины, въ родѣ того—почему нерелигіозно посѣщать театры, а можно пьянствовать въ трактирахъ и увеселительныхъ заведеніяхъ въ канунъ праздниковъ? Среди миссіонеровъ нашлись лица, искренно убѣжденные, что театръ—это бѣсовское дѣйство. Вѣдь и отцы миссіонеры живутъ въ XX-мъ вѣкѣ. Почему-же гоненіе на театръ; почему не было ходатайства о закрытіи трактировъ, ресторановъ и публичныхъ домовъ? Ну допустимъ, что посѣщеніе театра нарушаетъ религіозное, молитвенное настроеніе, съ которымъ христіанинъ, по мнѣнію отцовъ миссіонеровъ, долженъ встрѣчать праздникъ. А пребываніе въ указанныхъ заведеніяхъ развѣ ему способствуетъ, развѣ его не нарушаетъ? Но отцы миссіонеры помнятъ историческое изреченіе: Руси есть веселіе пити, и снисходятъ. Однако не мѣшало-бы слѣдить за жизнью; развитіе театральнаго дѣла и особенно народныхъ театровъ убѣдительношимъ образомъ доказываетъ, что Руси веселіе и потѣху глядѣти.

Слѣдуетъ помнить, что именно въ религіозной области насильно ничего не сдѣлаешь, вѣрить и думать иначе силою заставить нельзя.

Если театръ по сущности своей не касается вѣры, то онъ является сильнымъ факторомъ въ дѣлѣ морали.

А развѣ вѣра и мораль не могутъ идти рука объ руку? Если-бы закоснѣлое предубѣжденіе не мѣшало людямъ церкви, и они могли-бы протянуть театру руку какъ доброжелатели, то вѣра въ лицѣ театра имѣла-бы добраго союзника, какъ и было во дни оны, въ Элладѣ, или въ католической церкви съ ея мистеріями.

Кому дороги интересы вѣры, тому слѣдовало бы объ этомъ серьезно подумать.

Мы въ прошломъ № помѣстили воззваніе Н. Д. Красова относительно замѣны новогоднихъ поздравленій добровольными пожертвованіями въ пользу Убѣжища и дѣтскаго пріюта Т. О. Традицію эту, начало которой положилъ И. О. Пальминъ, желательно было-бы упрочить. Лица, проживающія въ Петербургѣ, могутъ вносить пожертвованія въ контору

нашего журнала; иногородніе же благоволят адресовать въ московское Бюро Т. О. Списки жертвователей будутъ печататься на страницахъ журнала.

Центральное правленіе всероссійскаго союза сценическихъ дѣятелей возбудило предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ ходатайство о разрѣшеніи весною будущаго 1909 года втораго всероссійскаго сѣзда режиссеровъ въ Москвѣ.

Программа вопросовъ, выработанная въ соединенномъ за сѣданіи центральнаго правленія и бюро режиссеровъ, касается, главнымъ образомъ, художественной части сценическаго искусства.

Профессионально-бытовая сторона, какъ извѣстно, служила предметомъ разсмотрѣнія перваго сѣзда, бывшаго весной 1908 года.

Существенные вопросы для обсужденія предстоящему сѣзду выражены въ слѣдующихъ пунктахъ:

- 1) Театръ съ его художественными запросами въ настоящемъ и въ ближайшемъ прошломъ (мейнингенцы и западный театръ, возникновеніе московскаго Художественнаго театра, вліяніе образцовыхъ театровъ на театральное искусство и т. д.).
- 2) Новое теченіе въ театральномъ искусствѣ и въ режиссурѣ (реализмъ, символизмъ, стилизація и т. п.).
- 3) Права режиссера, согласованныя съ требованіями художественнаго театра (средства и постановки пьесъ).
- 4) Задачи современнаго театра, какъ имѣющаго мѣсто среди культурно-общественныхъ учрежденій страны (желательный репертуаръ, постановка, организація театральнаго дѣла и т. д.).
- 5) Режиссеръ въ народномъ и общедоступномъ театрахъ.
- 6) Общие вопросы, касающіеся художественной стороны театральнаго дѣла и сценическаго искусства: а) возможность осуществленія художественныхъ задачъ современной режиссуры при настоящихъ условіяхъ театральнаго быта, б) современные взаимоотношенія антрепренеровъ и режиссеровъ, в) разработка вопросовъ объ организаціи постояннаго бюро режиссеровъ въ Москвѣ при союзѣ сценическихъ дѣятелей и т. д.

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти!

— В. Ф. Коммисаржевская, какъ извѣстно, въ предстоящемъ сезонѣ своего дѣла въ Петербургѣ имѣть не будетъ. Будущій зимній сезонъ она посвятитъ гастролямъ по провинціи. Поѣздка предполагается съ 1-го октября по 1-е мая, т. е. въ продолженіи всего зимняго и весенняго сезоновъ. Эта поѣздка начнется съ Варшавы, а если Л. Андреевъ разрѣшитъ играть „Черныя маски“, то съ Москвы. Труппа должна собраться въ Петербургѣ для репетицій, которыя продолжатся цѣлый сентябрь, причемъ труппа будетъ получать за это время половинное жалованье. Кромѣ обычнаго репертуара В. Ф. войдутъ 2—3 новыхъ пьесы, а также „Сестра Беатриса“, „Королева Мая“ и др. Въ труппу приглашены—Аркадьевъ, Феона, Марковъ, Подгорный, Вецій, Нарбекова, Шиловская, Тизенгаузенъ и др. Упомянутымъ по этой поѣздкѣ приглашенъ Е. А. Марковъ. Маршрутъ: Кіевъ, Одесса, Полтава, Кишиневъ, Харьковъ, Новочеркасскъ, Ростовъ-на-Дону, Баку, Тифлисъ, Астрахань, Самара, Оренбургъ и вся Средняя Азія. Между прочимъ срокъ договора по арендѣ театра кончается лишь черезъ два года. Какъ намъ сообщаютъ, съ г-жей Коммисаржевской ведутъ переговоры о снятіи театра на будущій сезонъ Л. Б. Яворская.

— 9-го января празднуетъ 20-лѣтній юбилей сценической дѣятельности А. Б. Вилинскій.

— Н. Г. Сѣверскій, прикончившій свою антрепризу, въ настоящее время концертируетъ по провинціи.

— Въ театрѣ В. Ф. Коммисаржевской въ январѣ пойдетъ новая пьеса О. Дымова (трагикомедія), а въ „Новомъ театрѣ“ 2-го января—другая новая пьеса того-же автора „Ню“ („Трагедія каждаго дня“). Послѣднюю, между прочимъ, купилъ для Москвы на два сезона К. Н. Незлобинъ.

— Характеръ лѣтняго дѣла въ театрѣ на Офицерской предстоящимъ лѣтомъ нѣсколько видоизмѣняется. Кромѣ фарса и борьбы въ программѣ вечераго представленія войдетъ постановка легкихъ комедій. Послѣднее поручено г. Неволину.

— По словамъ газетъ, разработанъ проектъ измѣненія нынѣ существующихъ правилъ сбора съ билетовъ на различ-

наго рода зрѣлища, взимаемаго въ пользу вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Проектируется процентный сборъ со стоимости мѣстъ. Будетъ повышенъ сборъ съ билетовъ на балы, маскарады, спектакли „gala“ и т. п. Сборъ съ билетовъ стоимостью до 1 рубля не предполагается повышать. Введеніе процентнаго сбора должно поднять доходъ вѣдомства на сумму около 1 милліона рублей.

— Въ Екатерининскомъ театрѣ 13 декабря О. З. Сусловъ справлялъ 20-лѣтіе своей сценической дѣятельности. Для юбилейнаго спектакля были поставлены отдѣльныя сцены изъ „Назаръ Стодоля“, „Запорожца за Дунаемъ“, „Майской нichi“ и „Наталки Полтавки“. На долю юбиляра выпалъ большой успѣхъ. Въ промежуткахъ между пьесами были подношенія, рѣчи, оваціи—и все это сопровождалось торжественными звуками туша.

„Прочувственное“ слово говорилъ г. Манько и затѣмъ отъ имени всей труппы поднесъ юбиляру адресъ. Было получено много телеграммъ.

— „Нов. Русь“ изъ вполне достовѣрнаго источника сообщаетъ, что всѣ слухи о томъ, что директоръ казенныхъ театровъ г. Теляковскій въ близкомъ будущемъ покидаетъ свой постъ, не имѣютъ рѣшительно никакихъ реальныхъ основаній.

— Въ Брюсселѣ скончался престарѣлый директоръ Брюссельской Консерваторіи, композиторъ и знаменитый музыкальный ученый Франсуа Гевартъ. Гевартъ родился въ 1828 г.

— 31-го декабря исполняется 15-лѣтіе изданія „Русской Музыкальной газеты“, руководимой г. Н. Финдейзенемъ. Симпатичная газета вполне оправдала выставленный ею вначалѣ изданія девизъ—быть безпартійнымъ и безпристрастнымъ органомъ русской музыкальной жизни. За 15 лѣтъ вышло 580 номеровъ.

— Среди петербургскихъ актеровъ собирались подписи подъ адресомъ К. Н. Незлобину по случаю 15-лѣтія его антрепренерской дѣятельности. Подписей собралось множество. Между прочимъ даже „дива“ Вяльцева, какъ оказалось, служила у Незлобина.

— Балетная грація не исключаетъ мускулатуру. Во время балетнаго дивертисмента на спектаклѣ въ пользу Т. О., г-жа Преображенская неловко ударила локтемъ своего партнера г. Легата и повредила ему два зуба.

— „Театръ-модернъ“ В. А. Казанскаго открывается, по слухамъ, 26 декабря. Елисеевскій театръ, какъ говорятъ, въ будущемъ сезонѣ сдастся подъ банкъ.

— Труппа московскаго Художественнаго театра на постъ остается въ Москвѣ. Съ Пасхи же она будетъ гастролировать въ Петербургѣ.

— Совѣтъ Т. О., посвятившій на истекшей недѣлѣ рядъ засѣданій для разсмотрѣнія вопроса о крахѣ антрепризы М. Т. Строева, призналъ, какъ намъ сообщаютъ, отношеніе г. Строева къ дѣлу неблаговиднымъ и постановилъ отказать г. Строеву въ посредничествѣ бюро до полнаго урегулированія его обязательствъ къ труппѣ.

— Во время землетрясенія въ Мессинѣ, погибла итальянская пѣвица Росси, пѣвшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Россіи.

— На сценѣ Народнаго Дома Императора Николая II будетъ поставлена въ непродолжительномъ времени новая пьеса К. М. Патканова „Грѣхи отцовъ“.

* * *

Московскія вѣсти.

— Артисты Малаго театра отправили во Флоренцію, Томазо Сальвини на французскомъ языкѣ телеграмму слѣдующаго содержания: „Артисты Императорскаго московскаго Малаго театра просятъ васъ, дорогой учитель, принять ихъ поздравленія и почтительныя благопожеланія по случаю славной годовщины“.

На имя режиссера И. С. Платона была получена отъ Томазо Сальвини телеграмма на французскомъ же языкѣ. Великій старикъ пишетъ:

„Глубоко признателенъ. Шлю братскій привѣтъ товарищамъ по искусству“. Томазо Сальвини.

— Въ труппу Малаго театра принять провинціальный артистъ Е. А. Лепковский.

* * *

† Г. И. Борскій. Въ Саратовѣ скончался артистъ Очкинскаго театра Г. И. Борскій. Покойный игралъ роли стариковъ-резонеровъ, одно время самъ былъ антрепренеромъ. Скончался онъ 60 лѣтъ отъ роду.

* * *

21 декабря въ Маріинскомъ театрѣ состоялся концертъ-спектакль въ ознаменованіе 75-ти лѣтія Народнаго гимна.

Предшественникомъ нынѣшняго русскаго гимна „Боже, Царя храни“ долгое время служилъ англійскій гимнъ „God save the King“, музыка котораго создана Генделемъ и для котораго не существовало, повидимому, опредѣленнаго рус-

скаго текста, такъ какъ встрѣчаются изданія этой „народной пѣсни“ съ различными текстами. Такъ одинъ изъ нихъ

Прими побѣду вѣнецъ
Отечества отецъ
Хвала Тебѣ!..

посвященный побѣдителю Наполеона—Императору Александру I, принадлежит перу Востокова и былъ популяренъ въ царствованіе, предшествовавшее Имп. Николаю I. Онъ былъ, между прочимъ, спѣтъ съ необычайнымъ успѣхомъ Самойловымъ въ первомъ концертѣ въ пользу инвалидов—15 ноября 1813 г. Въ эту эпоху существовалъ еще другой гимнъ—русскаго творчества, прекрасный и торжественный—„Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ“ Бортнянскаго, текстъ котораго—религіознаго характера—не отвѣчалъ потребностямъ официальныхъ пріемовъ, церемоній и т. п. Гимнъ Бортнянскаго и до сихъ поръ сохраняетъ свое значеніе и употребляется при соотвѣтствующихъ торжественныхъ случаяхъ. Потребность имѣть свой самостоятельный гимнъ, съ музыкой незаимствованной съ запада, была сознаана Николаемъ Павловичемъ. Его дворъ былъ однимъ изъ наиболѣе блестящихъ въ Европѣ; духъ милитаризма характеризуетъ его эпоху и въ этомъ отношеніи мягкое, молитвенное настроеніе генделевскаго гимна, можетъ быть, не вполне отвѣдало обстановкѣ официальныхъ торжествъ этой эпохи. Получивъ черезъ гр. Бенкендорфа въ 1833 г. предложеніе „попробовать“ написать гимнъ, Львовъ замѣчательно удачно, для своего времени и соразмѣрно собственному художественному дарованію, выполнилъ трудную задачу. Его „*Молитва русскаго народа*“, для которой Жуковский написалъ соотвѣтствующіе прекрасные стихи. „*C'est superbe! Ты совершенно понялъ меня*“, сказалъ Государь осчастливленному Львову, прослушавъ гимнъ нѣсколько разъ въ придворной Капеллѣ, въ ноябрѣ 1833 г. Вскорѣ затѣмъ, 6 декабря, въ день тезоименитства Государя, гимнъ былъ исполненъ впервые официально—въ Большомъ театрѣ въ Москвѣ, а затѣмъ 25 декабря—день празднованія побѣды надъ Наполеономъ, въ Зимнемъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ. Этимъ днемъ Львовъ и датировалъ автографъ своей „Молитвы“.

Публика въ Маринскомъ театрѣ въ этотъ день была самая избранная. На всѣхъ креслахъ и во всѣхъ ложахъ лежали изящно изданныя г. Преображенскимъ брошюры съ біографіей композитора гимна Львова и его портретами и факсимиле.

Въ фойе была устроена юбилейная выставка. Въ витринѣ, между прочимъ, скрипки Львова—одна Страдивариуса, другая—альтъ Вильома и третья скрипка, подаренная Львовымъ его ученику Кременецкому. Въ другихъ витринахъ, у стѣнъ, въ одной собраны портреты, гравюры и фотографии композитора, картина худ. Гриффе, изображающая домашній концертъ у Львова (1850 г.) и т. п.

Предметы и коллекція автографовъ были взяты изъ мусеевъ придворнаго оркестра, придворной пѣвческой капеллы и изъ собранія внука композитора, капит. А. Ѳ. Львова. Шла „Жизнь за Царя“, при чемъ гимнъ былъ повторенъ трижды.

* * *

Александринскій театръ. О пьесѣ Мейеръ-Ферстера „Старый Гейдельбергъ“ („Наслѣдныи принцъ“) говорить не приходится: она достаточно знакома публикѣ. Передѣланное авторомъ изъ его-же романа это довольно типичное нѣмецкое произведеніе выдержало сотни представленій на нѣмецкихъ сценахъ, а у насъ, поставленное года два назадъ въ Маломъ театрѣ, обошло затѣмъ провинціальныя сцены. Надо думать, на Александринской сценѣ пьеса была поставлена въ виду ея обстановочнаго характера и ради г. Юрьева, со вкусомъ исполняющаго главную, собственно почти единственную роль наслѣднаго принца. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы дирекція особенно шегольнула постановкой. Вѣроятно, въ виду экономіи, во второмъ и пятомъ дѣйствіяхъ фигурируетъ одна и та же, правда новая, но не особенно удачная, декорация, изображающая Гейдельбергъ осенью, хотя во второмъ дѣйствіи дѣло происходитъ въ маѣ мѣсяцѣ, къ счастью, впрочемъ, вечеромъ, такъ что осеннее убранство деревьевъ не особенно бросается въ глаза.

Что касается исполнителей, то наиболѣе интересенъ г. К. Яковлевъ, по обыкновенію живо и талантливо проводившій роль доктора философіи Ютнера, г-жа Потоцкая все та же г-жа Потоцкая, которую мы такъ хорошо знаемъ, и нѣсколько тяжеловатая для роли Кети; достаточно характерныя фигуры, особенно съ внѣшней стороны, дали г. Корвинъ-Круковскій—министръ и г. Борисовъ—гофмаршалъ, характеренъ и г. Ге въ роли камердинера Луца. Студенты, изображенные настоящими студентами съ артистами гг. Анчаровымъ, Лерскимъ, Н. Яковлевымъ и др. во главѣ, шеголяли новыми студенческими шапочками, перевязями и ботфортами, достаточно шумѣли и по театральному были оживлены, а хоръ Архангельскаго очень недурно пѣлъ нѣмецкія студенческія пѣсни. Вообще для праздниковъ представленіе подходя-

щее: иностранный дворъ, красивые костюмы придворныхъ и студентовъ, пѣніе и музыка и пр.

Въ поставленной въ первый разъ маленькой вещицѣ съ датскаго „Наконецъ одни“ („Первый вечеръ молодыхъ“) молодые г-жа Есиповичъ и г. Анчаровъ были достаточно молоды и старательны.

А. Тумскій.

* * *

Малый театръ. Распадъ современной семьи—тема, достаточно изъѣзженная русскими драматургами вдоль и поперекъ. Каждый сезонъ усердно топчутся они по проложеннымъ колеямъ и труды ихъ исчезаютъ, подобно эфемеридамъ, не оставляя слѣда. Бесплодность ихъ попытокъ не въ томъ ли, что они обычно берутъ семью отдѣльно отъ корней, питающихъ ее, внѣ зависимости отъ социальныхъ условий,—и потому въ лучшемъ случаѣ имъ удастся только дать рядъ болѣе или менѣе удачно схваченныхъ семейныхъ сценъ, картинъ, констатируютъ фактъ, живописуютъ данную семью. Но нужны ли театру, литературѣ эти семейные дневники, мѣсто которымъ въ домашнемъ архивѣ, эти фамиліи хроникѣ?

В. Туношенскій въ своемъ „Развалѣ“ тоже лишь протоколируетъ фактъ, рисуетъ случай. Нѣтъ общей идеи, нѣтъ типичныхъ особенностей и нѣтъ рѣшительно ничего новаго въ построеньи пьесы. Съ перваго дѣйствія чуются старые, прѣстарые мотивы.

Отчего разваливается семья Каменевыхъ? Неужели оттого, что мать, балзаковскаго возраста женщина, увлечена какимъ-то проходивцемъ, картежнымъ шуллеромъ, обирающимъ ее, или оттого, что дочь ея, Вѣра, отъ скуки, не любя, сошлась съ богатымъ и очень нуднымъ инженеромъ, что сынъ-студентъ зачитывается нелегальной литературой, а другой сынъ-гимназистъ воображаетъ себя Натомъ Пинкертономъ и занимается домашнимъ сыскомъ? Въ самомъ дѣлѣ, анатомическій ножъ г. Туношенскаго только скользитъ по поверхности и публика въ правѣ думать, что съ точки зрѣнія автора гибель семьи вызвана чисто внѣшними причинами, случайностями, а не лежитъ въ глубинѣ, въ органическихъ причинахъ нашего общаго неуровня.

Дѣти отшатнулись отъ матери, бѣшено, съ закрытыми глазами переживающей свою вторую молодость, но сдѣлали это какъ будто изъ побужденій чисто буржуазнаго характера: какой позоръ, что у матери есть любовникъ, притомъ человѣкъ дурного тона,—дальше ихъ оцѣнка не идетъ. Тогда мать правильно рѣшаетъ, что позора не будетъ, если она выйдетъ замужъ за своего любовника. Вѣра обрываетъ свой чувственный романъ съ инженеромъ, лишь только замѣтила, что ее любитъ сѣдовласый композиторъ и чувствуетъ себя спасенной. Сынъ студентъ фигурируетъ въ пьесѣ исключительно для горячихъ тирадъ, для взрывовъ благороднаго негодованія. Любовникъ матери доносить на него и добивается его перевода въ Томскій университетъ. „Ты читаешь нелегальныя книжки, какой позоръ!“ кричитъ на него мать. И сынъ отвѣчаетъ ей: „А кто довѣлъ меня до этого позора?“ Отвѣтъ, нечего сказать! И всѣ дѣйствующія лица какъ-то ужъ очень плохо разбираются въ томъ, что позорно и что непозорно. Завершается пьеса выстрѣломъ: студентъ убиваетъ своего отца.

Публикѣ пьеса понравилась, вѣроятно, за простоту и безпретенциозность, и автора многократно вызывали. А г-жѣ Мировой, бенефицианткѣ и юбиляршѣ (спектакль шелъ въ 10-ти лѣтній юбилей артистки) выпалъ рѣдкій по сердечности и теплотѣ пріемъ. Въ каждомъ антрактѣ сцену сплошь заставляли цвѣтами, цѣлый дождь цвѣтовъ сыпался на сцену сверху. Играла она Вѣру очень искренно и обдуманно. Жизненную, съ нервами и кровью фигуру дала г-жа Холмская (мать). Г. Г. Блюментапъ-Тамаринъ (студентъ) и Стронскій (гимназистъ) каждый дѣлалъ свое дѣло: первый являлъ собой образъ негодующій и карающій, а второй смѣшилъ галерею, разыгрывая вариацию на тему о пинкертоновщинѣ. Г. Шумскій (инженеръ) былъ скученъ, а г. Зубовъ—забавенъ. Единодушные аплодисменты вызвало дѣйствительно прекрасное исполненіе г. Вильбушевичемъ прелюда собственнаго сочиненія.

М. Вейконе.

* * *

Новый театръ. 21 декабря въ этомъ театрѣ былъ отпразднованъ 35-лѣтній юбилей К. С. Баранцевича. Поставлена была пьеса почтеннаго писателя „Сказки жизни“. Авторъ въ этой нѣсколько старомодной, но пріятной пьесѣ показался больше беллетристомъ, чѣмъ драматургомъ. Сюжетъ пьесы таковъ. Фабрикантъ Рядновъ—крупный богачъ, жестокой сладострастикъ. Онъ держитъ quasi-племянницъ, которыхъ готовитъ на ампула любовницъ. Но Елена Крупенская неизъ слабыхъ натуръ. Она любитъ Толокнова, завѣдующаго дѣлами Ряднова. Въ домѣ Толокновыхъ литературный музыкальный вечеръ... На сценѣ проходитъ галерея типовъ изъ литературы, журналистики, и искусства и на фонѣ этого вечера—нѣсколько сценъ.

Жена Толокнова ему измѣняетъ: онъ признается Еленѣ въ любви... Затѣмъ уѣзжаетъ съ ней въ деревню. И вотъ, не-

ожиданно старикъ Рядновъ умираетъ, и Толокновъ—его наслѣдникъ.

Елена не согласна однако взять деньги, и покидаетъ мужа.

Артисты (г-жи Слонимская, Натанская, Потапенко, гг. Девский, Александровскій и др.) очень старательно отнеслись къ своей задачѣ. Автора чествовали послѣ перваго акта очень дружно и тепло. По окончаніи спектакля состоялся ужинъ по подпискѣ. Предсѣдателемъ былъ избранъ проф. Карѣевъ. Горячее привѣтствіе сказалъ Е. П. Каршовъ, очень остроумные стихи прочиталъ А. А. Измайловъ, а К. В. Бравичъ сказалъ умное и интересное слово о полякахъ, отдавшихъ свои силы служенію русской литературѣ и русскому искусству.

* * *

„Кривое зеркало“ подъ управл. З. В. Холмской (въ залѣ Театр. клуба) все болѣе и болѣе привлекаетъ публику. Изъ новыхъ вещей, поставленныхъ въ этомъ оригинальномъ театрѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія очень остроумная пьеска г. Бенедикта „Лицедейство о г. Ивановѣ“, „моралите XX вѣка“, представляющая ѣдкую сатиру на соллогубовскіе призывы „отбросить ветхія понятія“, съ одной стороны, и на модернистскую стихотворную „трехъактовщину“—съ другой. Рiemы г. Бенедикта зазорны, изобрѣтательны и смѣшны. „Стихи корявы“ riемутся съ „можете бросить якоря вы“, „опытомъ“ съ „остолопы тамъ“. Публика все время смѣется,—и точно, эта ажурная вещица, въ своемъ родѣ, замѣчательна по остроумію и выдержанности тона. Имѣетъ также успѣхъ мініатюра Е. Н. Чирикова „Въ отдѣльномъ кабинетѣ“, сатира на модныя нынче самоубійства влюбленныхъ парочекъ. Забавно и тонко играетъ г. Лось роль барона, участника „мужского сѣзда“ Тэффи. Все это пересыпается импровизациями, имитациями, сольными номерами и „танцами Сапомеи“, подъ удивительную, страстную музыку Штрауса. Труппа „Кривого зеркала“ (гг. Лукинъ, Шахаловъ, Александровскій, Лось, Хенкинъ, г-жи Нелидова, Дарова, Наумовская, Давыдова и др.)—свѣжая и бодрая. Можно надѣяться, что этотъ новый родъ сатирическаго театра пуститъ корни въ петербургской почвѣ.

* * *

Петербургскій театр. „Карьера г-жи Оль-Штейнъ“—такъ называется шедшая въ Петербургскомъ театрѣ „сенсационная“ пьеса К. Н. Сахарова. Какъ видно изъ заглавія, канвой для этой 4-хъ актной пьесы послужила, надѣлавшая столько шума—извѣстная исторія съ пресловутой Ольгой Штейнъ, судебные отчеты о которой обошли, кажется, всѣ газеты.

Вся драма развертывается вокругъ одной центральной фигуры, концентрируя вниманіе зрителей. Вообще г. Сахаровъ обнаружилъ жилку драматурга.

Центральная фигура Оль-Штейнъ очень удалась г-жѣ Кондоровой. Г. Хенкинъ и на этотъ разъ далъ совершенно новую фигуру забитаго, задавленнаго нуждой „загогодателя“ баронессы. Интересно сыгралъ роль Сосницкаго г. Лукинъ.

Хорошъ былъ г. Тарскій въ роли Дашкевича. Въ маленькихъ роляхъ недурны гг. Лось, Марковъ и Плотноковъ.

Пьеса имѣла успѣхъ.

С. Т.—вз.

* * *

Бенефисъ кордебалета. Сданный уже въ архивъ балетъ „Царь Кандавлъ“ (муз. Пуни) волею судебъ вновь всплылъ на поверхность репертуара. Балетъ этотъ появился 40 лѣтъ назадъ и былъ поставленъ въ бенефисъ Генриетты Доръ.

Одинъ разъ въ году особенное вниманіе останавливается на танцахъ кордебалета.

Составъ послѣдняго очень разнообразенъ. Здѣсь имѣются и заслуженныя танцовщицы, въ годахъ и съ опытомъ, и будущія „звѣздочки“ и безнадѣжныя служительницы „у воль“.

Отмѣтимъ наиболѣе достойныхъ представительницъ какъ г-жи Конецкая, Эдуардова, Васильева, Голубева и подающую надежды молодежи: г-жъ Карлову, Добролюбову, Георгиевскую, Чумакову 2. А теперь два слова объ исполненіи: г-жа Кшесинская (Низія) и г. Гердтъ (Кандавлъ) играли какъ настоящіе драматическіе артисты, съ образцовой мимикой и благородными жестами.

По части танцевъ, конечно, на первомъ мѣстѣ г-жа Преображенская—граціозная бабочка, за нею идутъ г-жа Павлова—воздушная охотница Діана и танцовщицы высокаго балона „Баядерка“—г-жа Сѣдова и „пастушка“—г-жа Виль. Честь мужского персонала поддерживалъ г. Нижинскій.

Живой садъ цвѣтовъ выросъ на сценѣ послѣ втораго дѣйствія.

К. К.

По провѣднію.

Армавиръ. 2 декабря послѣдовало открытіе здѣсь перваго самостоятельнаго театра М. І. Мисожникова и К^о. Замѣтный недостатокъ театра—низкій потолокъ и неудобно устроенныя ложи. Въ новомъ театрѣ сейчасъ съ успѣхомъ играетъ мало-русская труппа г. Прохоровича.

Житомиръ. Намъ телеграфируютъ: „Въ субботу 20 декабря прошель бенефисъ Басманова при переполненномъ театрѣ, оваціяхъ, массѣ подношеній, интересныя привѣтствія, адресахъ различныхъ общественныхъ группъ и организаций. Сезонъ драмы закончился съ небывалымъ въ Житомирѣ художественнымъ и матеріальнымъ успѣхомъ, А. Дзбановскій“.

Кишиневъ. Здѣсь скончался популярнѣйшій на югѣ Россіи военный капельмейстеръ И. И. Чернецкій, который въ теченіе 20-ти лѣтъ прослужилъ въ 24-мъ драгунскомъ, а нынѣ гусарскомъ полку. Въ общемъ И. И. Чернецкій прослужилъ по военному вѣдомству въ теченіе 35-ти лѣтъ. Покойный получилъ личное дворянство и, какъ рѣдкость для еврея, ордена: св. Анны 2-ой степ. съ мечами, Станислава 3-ей ст., а также другіе знаки отличія. И. И. Чернецкій участвовалъ въ турецкой кампаніи, причемъ вынесъ на своихъ плечахъ раненаго въ одномъ сраженіи генерала Драгомирова. Послѣднее время И. И. Чернецкій нервно заболѣлъ и лѣчился за счетъ полка.

— 21 декабря закончились здѣсь спектакли опернаго товарищества подъ управленіемъ Л. П. Федорова.

Кіевъ. 28 декабря исполняется попувѣковой юбилей старѣйшей изъ современныхъ музыкально-издательскихъ фирмъ въ Россіи—Леонъ Издиковскій въ Кіевѣ. Фирма эта является въ настоящее время представительницей музыкальныхъ интересовъ почти всего юго-запада Россіи. Мѣстные музыканты и, что особенно важно, композиторы Польши и Малороссіи нашли у фирмы Л. Издиковскій поддержку.

Въ настоящее время издательскій каталогъ фирмы насчитываетъ до 2500 нумеровъ, въ числѣ которыхъ наиболѣе серьезное мѣсто занимаютъ произведенія Игн. Падеревскаго, братьевъ Вѣнявскихъ, очень популярныхъ въ мѣстномъ краѣ, Завадскаго, Зарембы, Зентарскаго и др.

— Чествованіе Е. Я. Недѣлна вышло очень торжественное. Чествованіе происходило послѣ 3-го акта „Горя отъ ума“ на сценѣ при открытомъ занавѣсѣ... Юбилера окружаютъ артисты и представители многочисленныхъ депутацій... Подносятся адреса и подарки. Г. Смирновъ читаетъ адресъ отъ солдовской труппы, затѣмъ юбиляра привѣтствуетъ г. Дуванъ-Торцовъ. Дальше идутъ депутаціи съ подношеніями отъ оперы (г. Боголюбовъ), отъ малорусской труппы (г. Вильшанскій), отъ о-ва искусства и литературы, отъ лукьяновскаго народнаго театра, отъ редакцій газетъ „Кіев. Мысль“ и „Кіев. Вѣсти“, читается телеграмма М. М. Глѣбовой, которая отсутствовала по болѣзни и прислала серебряный вѣнокъ; затѣмъ адреса, привѣтствія и подношенія отъ труппъ и разныхъ городовъ. Были привѣтствія, между прочимъ, отъ генераловъ Сухолинова и Толмачева, читались дальше телеграммы Молчанова отъ имени совѣта Императорскаго русскаго театральнаго общества, Савиной, Варламова, Южина (кн. Сумбатова), Красова, Николая Попова, дирекціи московскаго литер.-худ. кружка, Синельникова, Навроцкаго отъ имени ред. „Одесск. Листка“, Герцо-Виноградскаго, Саксаганскаго съ товарищами, редакцій „Одес. Новостей“, Бравича, Днѣпровой, Брунъ и Камюнскаго, Дарьяль и Булатова, Шпажискаго отъ имени о-ва русскихъ драматическихъ писателей, журнала „Театръ и Искусство“ и др.

За позднимъ временемъ остаются не прочитанными еще свыше 300 телеграммъ. Подносятся также много вѣнковъ (отъ Олимпіи Воронатъ, М. М. Лубковской и др.) и разныхъ подарковъ, среди которыхъ не мало цѣнныхъ вещей. Послѣ спектакля юбиляра чествовали въ ресторанѣ „Европейской гостиницы“.

Одесса. 29 декабря въ Город. театрѣ состоится празднованіе 20-лѣтія сценической дѣятельности Е. Ф. Павленкова. Поставлена будетъ пьеса Бернштейна „Израиль“.

Одесса. „Черныя маски“ Л. Андреева, поставленныя въ гор. театрѣ, вызвали недоумѣніе. „Од. Нов.“ прямо такъ-таки и заявляютъ:

„Вѣроятно, по поводу „Черныхъ масокъ“ будетъ написано много умныхъ, обстоятельныхъ и все разъясняющихъ статей. Тогда все въ нихъ станетъ ясно, какъ солнце, и просто, какъ шоколадъ. Но пока, грѣшный человѣкъ, я ничего не понимаю въ „Черныхъ маскахъ“. Откровенно.

Рига. Н. Н. Михайловскій, антрепренеръ театра въ Николаевѣ прїѣзжалъ въ Ригу для переговоровъ съ К. Н. Незлобинимъ относительно рижскаго театра. Результаты этихъ переговоровъ пока еще окончательно не выяснились.

Ростовъ-на-Дону. „Русск. Сл.“ телеграфируютъ, что антрепренеръ нахичеванскаго театра Стояновъ во время спектакля пригласилъ къ себѣ въ уборную корреспондента журнала „Театръ и Искусство“ и тамъ жестоко избилъ его за нелестную рецензію.

Это сообщеніе не совсѣмъ точное. Дѣйствительно, нахичеванскій дикарь произвелъ грубое нападеніе, но не на корреспондента Б. Камнева, а на его сына Александра Фонштейна. Возмутительный случай этотъ, конечно, встрѣтитъ надлежащую оцѣнку въ сценическомъ мірѣ. Хорошъ этотъ „нахичеванскій просвѣтитель“, нечего сказать!.. Просимъ читателей прочитать корреспонденцію въ № 49, гдѣ разсказывается о крахѣ Стоянова и сдѣлать соотвѣтствующее заключеніе.

Рыбинскъ. 19-го декабря въ засѣданіи городской думы единогласно рѣшено сдать театр на три года Рыбинскому Музыкально-Литературно-Драматическому кружку.

Рязань. Много шума и разныхъ толковъ вызвалъ здѣсь инцидентъ съ оскорбленіемъ артистки г-жи Кіенской-Лебедевой, завершившійся судебнымъ разбирательствомъ.

Нѣсколько дней тому назадъ въ контору рязанскаго театра явился сильно возбужденный городской голова г. Рязани, присяжный повѣренный г. Родзевичъ, и попросилъ антрепренеровъ вызвать ему артиста Пармскаго для переговоровъ.

Пармскаго позвали.

— Что вы сдѣлали артисткѣ Кіенской-Лебедевой?—закричалъ г. Родзевичъ, едва лишь Пармскій появился на порогѣ, Артистъ съ недоумѣніемъ пожалъ плечами.

— Какъ вы смѣли бить ее?—продолжалъ кричать голова.

Пармскій пожелалъ дать отвѣтъ на этотъ оригинальный вопросъ.

Онъ объяснилъ, что, дѣйствительно, послѣ представленія „Лекока“ Лебедева заявила дирекціи, будто онъ на сценѣ ударилъ ее въ бокъ. Но это не вѣрно. Правда, у него съ Лебедевой происходили недоразумѣнія, но до оскорбленія дѣйствіемъ, да еще на сценѣ, дѣло никогда не доходило.

— Во всякомъ случаѣ,—закончилъ артистъ,—я удивленъ вашимъ выступленіемъ въ роли защитника г-жи Лебедевой. У насъ есть театральныя совѣты. Туда и могла обратиться г-жа Лебедева. Она предпочла васъ,—это ея дѣло. Но вы-то все-таки тутъ при чемъ, въ нашемъ семейномъ дѣлѣ?

— Мерзавецъ, негодяй,—оборвалъ Пармскаго г. Родзевичъ.

Артистъ привлекъ г. Родзевича къ отвѣтственности.

У городского судьи г. Родзевичъ призналъ себя виновнымъ, объяснивъ, что онъ счелъ долгомъ выступить защитникомъ Кіенской-Лебедевой потому, что она беззащитна. У нея въ Рязани нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ.

Городской судья приговорилъ г. Родзевича къ 10-рублевому штрафу съ замѣной этого наказанія, въ случаѣ несостоятельности, арестомъ на 2 дня.

Таганрогъ. Приводимъ составъ драм. труппы г. Крылова: Г-жи Алябьева, Звѣздочкина, Лавровская, Максимова, Радзивицъ, Волховская, Лабунская, Мирская, Аргутинская, Рокова, Свѣтлова, Струйская. Г.г. Бутузовъ, Полковъ, Зарницынъ, Мининъ, Поляновъ, Покорскій, Кочетковъ, Ланской, Невѣдомовъ, Рузаевъ, Рабринъ, Яковлевъ-Востоковъ, Черкасовъ.

Режиссеръ И. Н. Невѣдомовъ. Главный Администраторъ Д. С. Радринъ.

Сезонъ начали 6-го декабря. Большинство актеровъ приглашено изъ Москвы, часть труппы взята изъ Нахичевани и нѣкоторые переведены изъ Новочеркасска.

Харьковъ. Мы уже сообщали о самоубійствѣ артистки харьковскаго драматическаго театра З. Д. Янкевичъ и студента перваго курса харьк. технологическаго института М. Н. Замятнина.

Трагедія, какъ сообщаетъ „Утро“, разыгралась на романтической подкладкѣ; самоубійство совершенно, какъ видно изъ письма къ г. полицеймейстеру, по обоюдному согласію. Янкевичъ (дѣвичья ея фамилія) лѣтъ восемь тому назадъ поступила на сцену. Однако, скоро вышла замужъ за кандидата правъ г. Олевинскаго, который нынѣ состоитъ судеб. слѣдователемъ въ Херсонской губ., и оставила сцену. Но бракъ ея оказался неудачнымъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ бракъ былъ расторгнутъ. Будучи безъ всякихъ средствъ, три года тому назадъ она поступила на сцену. Прошлый зимній сезонъ она играла въ одесскомъ театрѣ. По приѣздѣ въ Харьковъ, она вскорѣ познакомилась съ студентомъ Замятнинымъ; послѣднему было всего лѣтъ 17—18, а ей лѣтъ тридцать, они полюбили другъ друга со всей искренностью молодыхъ сердецъ. О своей любви артистка не скрывала и говорила товарищамъ по сценѣ. Замятнинъ часто бывалъ у покойной. Съ мѣсяца тому назадъ артисты начали замѣчать за Янкевичъ нѣкоторыя странности. Она нервничала, съ ней случались сердечные припадки и она говорила о самоубійствѣ. Недѣли три назадъ она было отравилась, принявъ большую дозу кокаина. Г-жу Янкевичъ удалось отходить. Послѣ своего выздоровленія она прямо заявила товарищамъ по сценѣ, что она все равно покончитъ съ собой. Заранѣе условившись, они отравились стрихниномъ, и оба почти моментально скончались.

Въ комнатѣ, занятой Янкевичъ, за деревянной перегородкой, представлявшей, очевидно, спальню покойной, на небольшой кушеточкѣ лежалъ лицомъ вверхъ, утопая головой въ подушкахъ, студентъ Замятнинъ, въ брюкахъ, башмакахъ и жилетѣ. Смертельная блѣдность покрывала его лицо. Руки сложенные на груди, какъ у покойника. Рядомъ съ кушеткой на полу лежала г-жа Янкевичъ.

Въ комнатѣ была найдена старая театральная программка, на обратной сторонѣ которой синимъ карандашомъ написано: „Умираемъ. Не въ силахъ разстаться“.

Томазо Сальвини.

Томазо Сальвини.

(Къ 80-ти лѣтію со дня рожденія).

1-го января по нов. ст. исполнилась 80-ти лѣтняя годовщина Томазо Сальвини, отпразднованная на родинѣ великаго трагика съ большою торжественностью.

Томазо Сальвини, какъ и большинство великихъ артистовъ, происходить изъ артистической семьи. Мать его Гулиельмина и отецъ были артистами. Въ началѣ мальчикъ не обнаруживалъ ни особенной склонности, ни особенныхъ способностей къ сценѣ, если не считать хорошей памяти и любви къ кровавымъ трагедіямъ. Какъ всегда, случай имѣлъ рѣшающее значеніе. Однажды, исполнитель роли арлекина въ пьесѣ Гольдони „Любопытныя женщины“ заболѣлъ, замѣнить некому было и пришлось обратиться къ маленькому Томазо. Маленькаго артиста хорошо приняли и роль осталась за нимъ. Такъ дебютировалъ Томазо Сальвини.

Революціонныя событія 1849 г., въ которыхъ молодой увлекающійся Сальвини принялъ горячее участіе, прервали на время его артистическую дѣятельность. Только съ середины 50-хъ годовъ она опять возобновилась. Сальвини приступаетъ къ изученію Шекспира. Въ этой области Сальвини на родинѣ явился новаторомъ. До него Шекспира ставили въ Италіи очень рѣдко и еще меньше читали его. Вскорѣ Сальвини гастролировалъ въ Парижѣ. Отелло, въ его исполненіи, произвелъ потрясающее впечатлѣніе.

Въ 1871 г. Сальвини отправился съ труппой въ Южную Америку. Въ Монтевидео онъ игралъ два мѣсяца подрядъ. Онъ началъ извѣстной пьесой Джакомоетти „Гражданская смерть“. О реализмѣ, съ которымъ Сальвини умиралъ въ этой пьесѣ Зола въ послѣдствіи писалъ: „Я не видѣлъ еще, чтобы кто-нибудь такъ умиралъ на сценѣ. Сальвини изображаетъ послѣднія минуты умирающаго съ такой правдивостью, что приводить въ ужасъ. Это, дѣйствительно, умирающій: глаза его заволакиваются, цвѣтъ лица измѣняется, члены цѣпенютъ. Когда Эмма, приблизившись къ нему, произноситъ: „Отецъ мой“, то онъ на мгновеніе возвращается къ жизни, лучъ радости появляется на умирающемъ лицѣ, но въ то же время руки судорожно сжимаются, голова наклоняется, и изъ груди выходитъ еле слышное послѣднее хрипѣніе. Когда затѣмъ жизнь покидаетъ это тѣло, то оно силою своей тяжести сваливается съ дивана и падаетъ на полъ. У присутствующихъ вырывается крикъ ужаса“.

Въ Монтевидео ему устраивали неслыханныя оваціи. По

всему пути стояли мужчины во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, и дамы въ бальныхъ нарядахъ. Окна и балконы были украшены коврами. У въѣзда въ гавань красовалась грандіозная триумфальная арка. Отъѣзжающему вручили большой лавровый вѣнокъ. На судахъ взвились флаги и заиграла музыка. Въ Буенос-Айресѣ навстрѣчу артисту выѣхали два парохода, переполненные пассажирами, съ нѣсколькими музыкальными оркестрами.

Не менѣйшій успѣхъ Сальвини имѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ 1880 году онъ выступилъ единственнымъ итальянцемъ въ труппѣ актеровъ, говорившихъ по-английски. Задача была нелегкая, но Сальвини вышелъ изъ нея побѣдителемъ. Вершиною успѣха было выступленіе его въ Лондонѣ. Сыграть „Шекспира“ на родинѣ великаго драматурга было давнишней мечтой Сальвини. Онъ рѣшился на это послѣ перваго своего путешествія въ Сѣверную Америку и прѣхалъ въ Лондонъ со специально сформированною для Англіи труппою. Какъ разъ въ это время Ирвингъ игралъ въ Лицеумѣ „Гамлета“. Англичане были въ восторгѣ, и Сальвини спрашивалъ, въ состояніи-ли онъ будетъ выдержать сравненіе. Но, увидѣвъ Ирвинга на сценѣ, онъ рѣшился. Спектакли открылись представленіемъ „Отелло“. И хотя въ памяти театральной публики были еще свѣжи воспоминанія о Кинѣ въ роли мавра, Сальвини имѣлъ такой успѣхъ, который превзошелъ всѣ его ожиданія. „Отелло“ прошелъ 32 раза подрядъ. Клубы: „Атенеумъ“, „Гаррика“ и „Художественный“ избрали его своимъ почетнымъ членомъ.

Объ успѣхахъ Сальвини въ Россіи нечего говорить: они свѣжи въ памяти. Первый разъ Сальвини былъ въ Россіи въ 1882 г., послѣдній разъ въ 1901 г., по приглашенію А. С. Суворина.

Въ жизни Сальвини сыграла важную роль знаменитая артистка Ристори, скончавшаяся въ 1906 г. Юный, только начинающій свою карьеру, Сальвини оказался въ труппѣ, гдѣ уже гремѣла во всемъ блескѣ молодости, красоты и таланта Ристори. Играя съ нею роли любовниковъ и героевъ, переживая на сценѣ страсти, радости и страданія, источникомъ которыхъ являлись тѣ женщины, которыхъ олицетворяла Ристори, Сальвини со всею страстью пылкаго южанина въ нее влюбился. Однако страсти его не суждено было встрѣтить взаимности. Ристори была замужемъ, любила мужа и явилась высокимъ образцомъ не только артистки, но и жены, и матери. Сальвини покорился судьбѣ, сумѣвъ побѣдить голосъ темперамента и оставшись на всю жизнь связаннымъ съ Ристори только чистою дружбой.

Но духовная сила любви къ женщинѣ, соединявшей въ себѣ всѣ дары природы, видѣвшей и осуществлявшей въ своемъ призваніи свѣтлые идеалы красоты и добра, благоговѣнно работавшей на сценѣ, какъ въ храмѣ, постоянно пополнявшей свое образованіе и тщательно, вдумчиво изучавшей для своихъ ролей минувшую и окружающую жизнь, эта

духовная сила любви побудила Сальвини, какъ онъ самъ это удостовѣряетъ, приложить всѣ силы, чтобы стать достойнымъ сподвижникомъ Ристори.

И чистая, святая любовь окрылила вдохновеніе артиста; она совершила чудеса: изъ только подававшего надежды, еще мало выдѣлявшагося, Сальвини скоро сталъ великимъ свѣтиломъ сцены.

Въ блестящей рѣчи Сальвини, произнесенной артистомъ въ Римѣ въ театрѣ „Аргентинѣ“ въ память Ристори, разбросано много интересныхъ мыслей по общимъ вопросамъ театра.

Сальвини возмущенъ тѣми уродливостями, которыя проникли на сцену и часто подъ флагомъ яко бы „новыхъ путей“ театра, маскируютъ сценическую бездарность и отсутствіе сценической техники... Разумѣется, Сальвини не отрицаетъ эволюціи театра, но онъ справедливо отличаетъ кривлянье и шарлатанство отъ дѣйствительнаго разумнаго и талантливаго новаторства. Особенно возмущаетъ Сальвини невнятная дикція, которую плохіе актеры стараются выдать за жизненные интонаціи.

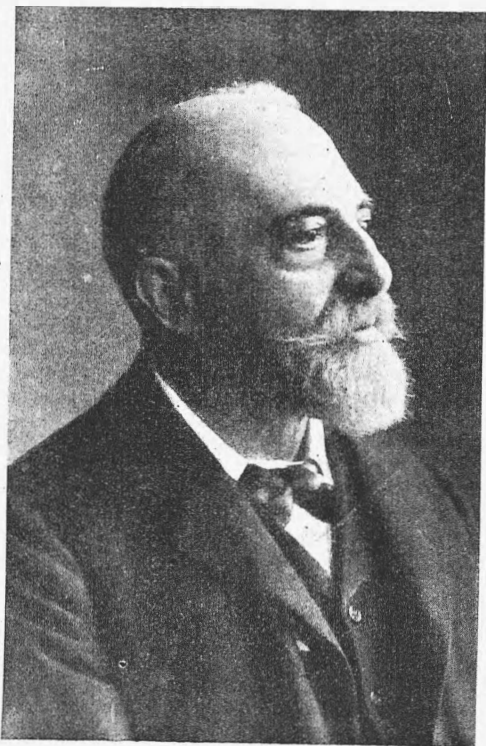
„Первое качество актера—красота и ясность его рѣчи“, говорить Сальвини.

Онъ различаетъ сценическій реализмъ, не противорѣчащій вѣчнымъ законамъ искусства, вѣчнымъ идеаламъ прекраснаго и „ложный, преувеличенный натурализмъ, искусственный, манерный, которымъ щеголяютъ актеры новой школы. Ихъ новшества, главнымъ образомъ, сводятся къ ошеломленію публики скороговоркой, къ показыванію публикѣ своей спины, къ веденію діалога не въ удобныхъ позахъ, а или черезъ роля, или черезъ громоздкій диванъ“.

Онъ осуждаетъ отсутствіе плана, красоты формы и стиля въ многихъ новыхъ пьесахъ, авторы которыхъ не вызываютъ въ публикѣ глубокихъ впечатлѣній, а только возбуждаютъ нервы, иногда оставляя гадливое ощущеніе. Сальвини врагъ крайностей натурализма на сценѣ, „нерѣдко маловѣроятнаго и постыднаго“.

„Теперь на сценѣ не стѣсняются, говорить Сальвини, вохвалять полигамію, оправдывать преступленіе, провозглашаемое какъ право сильнаго, прославлять безуміе... Ради Бога, предоставимъ домамъ для умалишенныхъ, больницамъ, анатомическимъ заламъ и каторгѣ заботы о больныхъ тѣлѣ и духѣ человѣческомъ. Но развѣ театръ—больница? И допустимо-ли на сценѣ всякое безобразіе, разъ только это является новинкой?“

Въ послѣдній разъ Сальвини выступилъ въ октябрѣ 1903 года, по случаю столѣтія Альфіери, въ Туринѣ, Флоренціи и Астѣ. Съ тѣхъ поръ онъ живетъ на покой во Флоренціи, окруженный славой, почетомъ и любовью.

Л. С. Ауэръ.

(Къ 40-лѣтію его музыкальной дѣятельности).

Восьмидесятилѣтіе славной жизни славнаго трагика! Мнѣ не привелось видѣть Сальвини въ первые его пріѣзды въ Россію. Я видѣлъ его уже старившимся, но все еще прекраснымъ. Попытаюсь набросать впечатлѣнія, оставшіяся въ памяти отъ исполняемыхъ имъ ролей. И на первомъ мѣстѣ, конечно, Отелло. Отелло Сальвини всего ближе къ игрѣ русскихъ трагиковъ и всего дальше, напри- мѣръ, отъ Мунэ-Сюлли. Сальвини даетъ просто-душнаго, дѣтски довѣрчиваго мавра, котораго под- влаетъ венеціанская культура, и который въ своей примитивной чистотѣ и простотѣ не въ силахъ прозрѣть гнусные замыслы и сложную дипломатію Яго. Мавръ—честный вояка. Онъ искусенъ въ воин-скомъ дѣлѣ, храбро рубится съ непріятелемъ, и изнѣженная венеціанская республика наняла его, какъ нанимала обыкновенно разныхъ «кондотьеры», на службу венеціанской аристократіи. Въ томъ со-отношеніи, какъ это выходитъ у Сальвини, бы-товая сторона трагедіи напоминаетъ Римъ вре-менъ имперіи, когда опора социальнаго и правитель-ственного строя покоилась на грубыхъ германцахъ, бѣлокурыхъ и голубоглазыхъ варварахъ—нити же жизни, культуры, просвѣщенія держали въ своихъ рукахъ римскіе граждане. Отелло Сальвини—плебей. Это—прекрасная душа, но несложная. Онъ многого не понимаетъ, потому что многому не учился. Онъ способенъ проливать кровь за отечество, совершать чудеса храбрости, но я сильно сомнѣваюсь, чтобы тотъ Отелло, котораго изображаетъ Т. Сальвини, годился для составленія стратегическихъ плановъ и, въ особенности, для управленія островомъ въ мир-

ное время, когда Дездемона является къ Отелло въ 4 актѣ и напоминаетъ ему, что собрались «знатные островитяне», которыхъ Отелло пригласилъ, очевидно, на политическій обѣдъ,—этому какъ-то плохо въришь: когда Отелло беретъ перо, чтобы подписывать бумаги—кажется, что ему стоитъ величайшихъ трудовъ вывести свое имя. Простодушіе Отелло больше всего проистекаетъ изъ того, что онъ чуждъ венеціанской культуры. Даже въ костюмѣ подчеркивается съ особенной рѣзкостью тотъ, иной міръ, изъ котораго вышелъ мавръ. Рядомъ со щеголеватými венеціанцами, Отелло кажется не столько начальникомъ венеціанскаго отряда, сколько предводителемъ тѣхъ турокъ, которые плывутъ къ Кипру и появленіе которыхъ вызвало командировку Отелло.

Основной, такъ сказать «операционный» пунктъ души Отелло—это, несомнѣнно, наивность. Но къ этой наивности можно идти двумя путями. Наивность можетъ быть результатомъ необразованности, непривычки къ анализу, ограниченности кругозора. Но наивность можетъ проистекать также изъ высокаго ума, которому, вслѣдствіе обширности кругозора, недоступны мелочи житейской практики. Наивность—это какъ два полюса человѣческаго зрѣнія: дальнорукіе видятъ далеко, и потому не видятъ близко; близорукіе видятъ близко, и потому не видятъ далеко. Такова же можетъ быть и наивность Отелло: отъ ограниченности ума или отъ отсутствія скептицизма. Приношу заранѣе всяческія извиненія, но мнѣ кажется, что Сальвини изображаетъ Отелло наивнымъ по ограниченности ума, а не потому, что мысль его направлена поверхъ предметовъ житейскаго значенія. Отелло довѣрчивъ, какъ ребенокъ. Признаемъ безспорность этого исходнаго пункта. Но ребенкомъ можно быть и потому, что ничего не знаешь или потому, что знаешь многое отдаленное и не знаешь ближайшаго.

Сальвини, какъ я уже выразился, не смотря на всю мощь своего гения, изображаетъ Отелло плебеємъ, человѣкомъ низшей, чѣмъ венеціанцы, расой. Онъ убиваетъ не потому, что такъ велитъ кодексъ. Совсѣмъ нѣтъ: изъ словъ и поступковъ ясно можно судить, что онъ самъ не думалъ, чтобы дѣло зашло такъ далеко. Но «Sanguis, Jago, sanguis!» Отелло жаждетъ крови, какъ дикій звѣрь. Все, что было въ его расѣ непосредственнаго, первобытнаго, близкаго къ звѣрству возстаетъ въ немъ и требуетъ смерти Дездемоны, не какъ *легальнаго акта*, но какъ искупленія за боль, причиняемую злымъ чувствомъ.

Шекспиръ въ этой сценѣ несомнѣнно склоняется на сторону того толкованія, которое придаетъ ему Мунэ-Сюлли. Что значить размышленіе Отелло надъ свѣтильникомъ? Если я задую свѣтильникъ,—я могу вновь его зажечь; если я задую свѣтильникъ духа, я не могу этого сдѣлать. Хорошо. Но если это такъ, если мысль дошла до такого заключенія, и чувство до такихъ минорныхъ аккордовъ—тогда уйди, пусть Дездемона спитъ, хотя-бы дыханіе ея было полно порока.

Когда Мунэ-Сюлли произноситъ эти слова—вы отлично понимаете логическую связь его дѣйствій. Это—такъ. Но зато онъ говоритъ другое: *La loi est stricte*. Виновная жена должна быть убита, хотя-бы этимъ убійствомъ онъ умерщвлялъ свое сердце. Зато онъ не измѣнилъ традиціямъ. Онъ шелъ по слѣдамъ дѣдовскихъ и отцовскихъ преданій и дѣлалъ то, что ему приказывала совѣсть.

Вообще, драгоцѣннѣйшая черта огромнаго таланта Сальвини заключается въ необыкновенной ясности, наивности, непосредственности чувствъ. Мы знаемъ уже, какъ онъ играетъ Отелло. Эта чистая, хру-

Сара Бернаръ въ послѣдн. созданной ею роли.
Зарайя („Колдунья“).

стальная душа, проникнутая насквозь наивностью. Большой ребенокъ съ бронзовымъ цвѣтомъ лица, котораго легко обмануть, потому что онъ безконечно довѣрчивъ и на все смотритъ честными, открытыми глазами. Натура въ высшей степени простая, не тронутая ни венеціанской порчей, ни лукавствомъ востока. Перенесите этого Отелло въ фантастическую страну Пальма, нарядите въ звѣриную шкуру,—и предъ вами другое очаровательнѣйшее созданіе Сальвини,—Ингомаръ, «сынъ лѣсовъ». Опять плѣнительный образъ наивности, простоты, первобытности, доведенной до граціи. Новая перемена костюма и декорацій, и передъ вами «Гладиаторъ», тотъ же Ингомаръ, съ тою же «лѣйльностью» «сына лѣсовъ», съ тѣмъ же простодушіемъ нетронутаго сердца. Это—Кимвръ, прежде всего, и послушайте, сколько наивной, стихійной любви, лишенной всякаго ложнаго паѳоса, всякаго патетизма, всякихъ романтическихъ прикрасъ въ этой молебѣ на аренѣ цирка: *«revederi mia figlia!»* Обратите вниманіе на то, какъ Сальвини играетъ Лира. Это не «трагедія страданія», но—«трагедія жалости», по терминологіи комментаторовъ Шекспира. То, что у Росси, напр., выдвигалось на первый планъ—судьба гордаго и взбалмошнаго, полусумасшедшаго Лира, уязвленнаго въ своей гордости и своемъ высокомеріи и доведеннаго до послѣдней степени униженія,—у Сальвини почти незамѣтно. Судьба Лира—это судьба прекраснѣйшаго старца, разобиженнаго своими дочерьми. Жалкій, безпомощный, утѣшающій на нашихъ глазахъ, Лиръ вызываетъ все время одно и тоже чувство тихой грусти. Мнѣ думается, что замыселъ Шекспира сложнѣе. Шекспиръ едва-ли имѣлъ въ виду написать возможный случай незаконнѣйшей

обиды, ненесенной отцу неблагодарными дѣтьми. Всегда безпристрастный, глубокий и объективный, поэтъ въ этой трагедіи не забылъ Лира. Лиръ—самъ отчасти виновникъ своего несчастья. Упрямый, высокомерный, деспотичный—таковъ Лиръ. И дочери унаслѣдовали отъ отца и жестокость характера, и упрямство, и деспотизмъ. Грѣхи отцовъ отзываются на дѣтяхъ и семейная трагедія вырастаетъ на почвѣ семейной смуты, чуждой основъ справедливости. Этотъ образъ шире и сложнѣе, чѣмъ тотъ, который намъ даетъ Сальвини. Сальвини на все налагаетъ печать своей индивидуальности. Онъ никогда не является судьей трагической судьбы изображаемаго имъ героя, но «поетъ» эту судьбу, съ тѣми трогательными, сердечными звуками, которые пожалуй, онъ одинъ только и можетъ извлекать.

Въ Коррадо—развѣ не та же нота жалости и состраданія? Вина Коррадо—ничто предъ глубиной искупляющей муки. Смерть Сальвини всегда ясная, чистая, праведная. Ни одного штриха, способнаго вызвать содроганіе. Онъ какой-то примиренный, этотъ Томазо Сальвини, какой-то «не здѣшній» человекъ, со своею колоссальной фигурой, огромнѣйшимъ бархатнымъ голосомъ,—цѣльный, опредѣленный, не доступный сомнѣніямъ. Его не коснулся нашъ вѣкъ—сомнѣній, неврастений, «переоцѣнки цѣнностей»... Какъ старый, могучій дубъ, растетъ онъ среди мелкаго кустарника, кривыхъ, извивающихся вязовъ, высокихъ, но тонкихъ тополей... Гдѣ, въ комъ нынче это простодушіе, эта примиренная наивность? Гдѣ найдете вы такую «серебряную» старость?

А. Кугель.

Д р а м а.

Самое время теперь писать о призракахъ и я вспоминаю—драму въ рукописи, полученную изъ провинціи.

Чеховъ шутилъ и шаржировалъ, когда вывелъ

свою знаменитую даму, читавшую вслухъ драму и поплатившуюся за это жизнью. Но сейчасъ это, право, не шутка и вовсе не шаржъ. Это истина. Это печаль. Это большая трагедія.

Вся провинція, тоскующая, занесенная снѣгомъ, обманутая въ ожиданіяхъ, извѣрившаяся въ Петербургъ, и въ Москву, и въ третью Думу, и въ миеотворчество, и вообще во все и вся—пишетъ драмы. Настоящія драмы въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ пяти, изъ жизни герцоговъ, изъ жизни пролетаріата, профессоровъ, скульпторовъ, этихъ чаще всего, музыкантовъ, гимназистовъ, цирковыхъ наѣздниковъ, купцовъ, и еще и еще. Редакціи журналовъ и газетъ (не говорю уже о спеціальныхъ) завалены драмами. Всѣ актеры, драматурги, критики время отъ времени получаютъ изъ провинціи пакетъ и въ немъ драма. При семъ письмо: проситъ прочесть. Очень проситъ прочесть. Умоляетъ.

Онѣ очень искренни—эти драмы. Въ каждой изъ нихъ чувствуется автобіографія и надломленное сердце и боль, которая хочетъ крикомъ крикнуть. Но вотъ только одно: онѣ не талантливы. Изъ многого множества рукописныхъ драмъ едва можно выжать двѣ—три хорошо наблюденныя и вѣрно поставленныя сценки. Остальное безнадежно...

Большая, огромная драма разыгралась, «тамъ внутри»—и рассыпалась, и ударила по сердцу.

Интереснѣе и общающѣе, и заманчивѣе былъ прологъ, когда и т.д. Послѣпролога—неожиданно погасло электричество—думалось передъ свѣтомъ. Помните: — А и нѣту денегъ—передъ деньгами...

Но электричество опять зажглось и отразилось бликомъ... на лысинѣ Пуришкевича.

Петербургъ поморщился и «сдѣлалъ пріятное лицо». Не вышло съ электричествомъ, выйдетъ съ проблемой пола, съ миеомъ, съ Саломеей, съ...

Но тамъ—«тамъ внутри»!..

Тамъ пишутъ. Безпомощно—но пишутъ! Неумѣло—но пишутъ! Безцѣльно—но пишутъ! Драмы? Конечно, драмы. Потому что пронеслась драма, въ душѣ драма, рыдаетъ и стонетъ драма разбитой жизни.

МОСКОВСКІИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

Хлоповъ
г. Горичъ

Земляника—г. Адашевъ.
Христіанъ Ивановичъ
г. Трезвенниковъ.

Городничій
г. Ураловъ.

Лякинъ-Тяжкій—г. Леонидовъ.
Ч. Приставъ—г. Массатикиновъ.

„Ревизоръ“, 1-й актъ.

... Я вижу этот маленький городъ, занесенный снѣгомъ, погружающійся въ темноту съ девяти часовъ вечера, городъ, гдѣ жители прежде «занимались приготовленіемъ грязи и сплетенъ»—какъ въ одномъ изъ писемъ выражается Чеховъ.

Съ виду все тотъ же прежній городъ, съ тѣми же нелѣпыми бездарными постройками, какія десятки лѣтъ строилъ архитекторъ изъ «Моей жизни». Пожалуй, только кладбище какъ будто разрослось, да тюрьму новую выстроили. Но за запертыми изнутри ставнями—(потому что боятся грабителей: военное положеніе)—онъ сидитъ и пишетъ. Понимаете? Онъ. Тотъ онъ—забылъ какъ его зовутъ: Ивановъ, Сидоровъ, Рабиновичъ, Клиппелицкій, Нехай-Батько и опять Рабиновичъ.

— Которые люди съ огнемъ сидятъ—могъ бы записать унтеръ Пришибеевъ.

И если бы онъ не засѣдалъ въ Думѣ на крайней правой, такъ, конечно, записалъ бы.

Я вижу его—онъ сидитъ поздно ночью, поправляетъ плохо горящую керосиновую лампу и пишетъ драму.

— «Сердце въ моей груди оледенѣло. Ты приносишь мнѣ страшную вѣсть. Неужели?!

Прежде онъ былъ корреспондентомъ.

— Что это за шумъ?

— Ничего, это корреспондента бьютъ.

Его били, но онъ все же писалъ корреспонденціи и обличалъ; во времена Тургенева онъ думалъ, онъ былъ увѣренъ, что исполняетъ миссію.

— Пусть бьютъ,—говорилъ онъ себѣ, оправившись, и принимался за слѣдующую корреспонденцію.

При Чеховѣ онъ къ корреспонденціямъ прибавилъ стихи и повѣсти.

Такъ въ городѣ и начиналась весна: мѣстный писатель начиналъ гулять по мокрымъ еще улицамъ.

— Вотъ с—нъ сынъ гулять пошелъ—приводить Чеховъ разговоръ обывателя.

Теперь онъ взялся за драмы. Это большое обличеніе и облитое грустью стихотвореніе вмѣстѣ. И когда кончается, отправляетъ въ Петербургъ: въ редакцію, къ актеру, посѣтившему этотъ городъ, къ критику, чью подпись встрѣчаетъ въ газетахъ.

И просить прочесть. Очень просить. Умоляетъ.

Мы не заступались, когда его били—и допивали свой чай. Мы мелкимъ шрифтомъ печатали его корреспонденціи. Мы не читали его стиховъ и не читаемъ теперь его драмъ.

Ахъ, это жестоко! Но намъ не нужны его страданія и его слезы. Они насъ не трогаютъ и излишни. Мы ищемъ только талантъ. Пусть онъ придетъ и расцвѣтитъ жизнь. Пусть увлечетъ насъ сказкой. Удесатеритъ потокъ рыданій или, улыбнувшись, пройдетъ мимо него—безразлично, но мы повѣримъ ему! Но мы будемъ рукоплескать ему.

Бѣдный Сидоровъ, бѣдный Рабиновичъ! Онъ обливался настоящими слезами и кладбище въ его городѣ, дѣйствительно, увеличилось и сцена не слушаетъ его и драма его жизни не становится улыбкой и дыханіемъ искусства!

— «Сердце въ моей груди оледенѣло. Ты приносишь мнѣ...»

Онъ пишетъ и «сидитъ съ огнемъ». Онъ отдаетъ все, что пережилъ и перестрадалъ—а за этотъ промежутокъ онъ перестрадалъ много—отдаетъ всего себя—а такъ какъ все—то мало.

Дать все—всегда значитъ дать мало.

Такъ мало, что не хочется протянуть руку и взять. Такъ мало, что не хочется огвѣтить на его письмо, въ которомъ онъ проситъ, очень проситъ, умоляетъ.

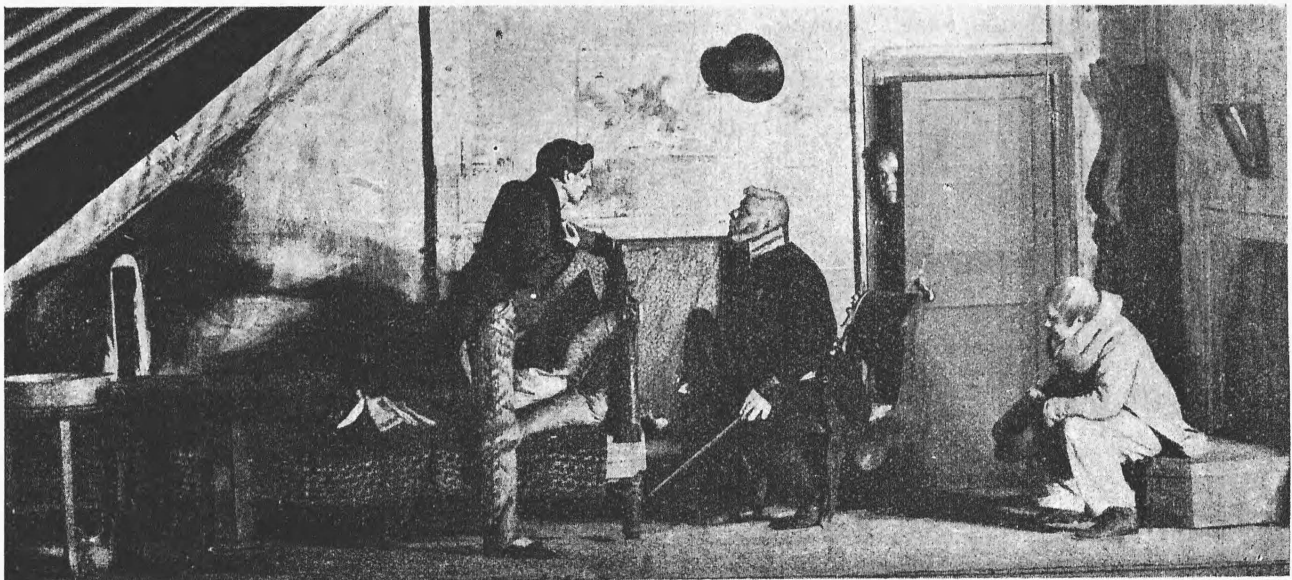
Самое время теперь писать о призракахъ—и я мечтаю, что въ нашу жизнь, въ нашу свинцовую жизнь реальныхъ слезъ и дѣйствительныхъ кладбищъ ворвется призракъ—будущій драматургъ. Онъ увлечетъ сказками. Онъ удесатеритъ потокъ рыданій или, улыбнувшись, пройдетъ мимо. Онъ изъ пронесшейся надъ страной трагедіи—сдѣлаетъ одну «песню въ четырехъ дѣйствіяхъ», дастъ мало—но дастъ все. И Сидоровъ или Рабиновичъ скажетъ: «это хорошая пьеса»,—и вздохнетъ, и задумается печально.

Но вечеромъ поправитъ плохо горящую керосиновую лампу и будетъ продолжать:

— «... приносишь мнѣ страшную вѣсть, неужели?! О, Елена. Если-бы всѣ...»

О. Дымовъ.

МОСКОВСКІИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

Хлестаковъ
г. Горевъ

Городянчій
г. Ураловъ.

Бобчинскій
г. Москвитинъ.

Добчинскій
г. Павловъ.

„Ревизоръ“, 2-й актъ.

„НОВЫИ ТЕАТРЪ“.

„Деньги“, Сем. Юшкевича.
Брамъ (г. Угрюмовъ).

А в т о р ь.

(Фантазія).

Авторъ. — Старикъ. — Лакей.

Комната, обставленная съ пошлой элегантностью. Ни одной книги, ни клочка бумаги, никакихъ письменныхъ принадлежностей. Кровать. Стоячая вѣшалка. Круглый столъ посерединѣ. Направо въ центрѣ дверь, маленькая, очень низкая, очень тяжелая, темная, съ огромнымъ желѣзнымъ замкомъ (не висячимъ) и желѣзной скобкой вмѣсто ручки. Кажется мрачнымъ зловѣщимъ пятномъ на фонѣ „веселенькихъ“ обоевъ.

Авторъ (молодой человѣкъ, длинные волосы, ванъ-дейковская бородка, отложной воротникъ, галстухъ, завязанный широкимъ бантомъ, бархатная куртка) входитъ съ шумомъ въ шубѣ на распаху (кашнѣ развѣвается, шапка на боку). Пьянъ отъ счастья и слегка отъ вина. Въ каждой рукѣ держитъ по лавровому вѣнку съ лентами.

Авторъ (шумно сбрасываетъ ботинки, вѣшаетъ на вѣшалку вѣнки). Успѣхъ!.. Чортъ возьми, какой успѣхъ!.. Меня вызвали 14 разъ! Шекспира не вызывали 14 разъ. (Бросаетъ шапку на столъ, спускаетъ шубу съ одного плеча, бѣгаетъ по комнатѣ). Театръ ревѣлъ отъ восторга!.. Приставные стулья, цвѣтъ интеллигенціи... Вся пресса налило... Триумфъ! (Спускаетъ шубу на полъ; подходитъ къ маленькой двери)... Это теперь вѣрныхъ сорокъ сборовъ!.. (Достаетъ изъ кармана большой ржавый ключъ, съ некоторымъ трудомъ вставляетъ его въ замочную скважину. Замокъ щелкаетъ, какъ тюремный, пулко, со скрипомъ). Шестидесятъ полныхъ сборовъ!.. (Съ усиліемъ, ухватившись за скобку, тянетъ къ себѣ дверь. Дверь открывается туго, ужасно скрипитъ. Заглядываетъ внутрь)... Старикъ! А старикъ!.. Выходи, старикъ! Тебя вызвали сегодня 14 разъ! Триумфъ... Театръ ревѣлъ...

(Медленно, согнувшись, выходитъ старикъ, похожій на привидѣніе. Странно одѣтъ: въ черный сюртукъ до пятъ, застегнутый доверху, безъ признаковъ бѣлья. У старика длинная, сѣро-сѣдая борода, круглые черепаховые очки, нависшія сѣдые брови. Выраженіе самоувѣренности и равнодушія. Выходитъ и останавливается у дверей). Ты слышишь, что я говорю, старикъ? Меня вызвали 14 разъ. Ты имѣлъ сегодня успѣхъ, какого я не имѣлъ еще никогда... Мнѣ поднесли два вѣнка... Вотъ, старикъ, вотъ твои вѣнки. (Подбѣгаетъ, отрываетъ нѣсколько листочковъ, суетъ старику)... Это лавры, старикише, листья безсмертія. (Старикъ не глядя суетъ листья въ карманъ). Публика неистовствовала, когда я появлялся на вызовы, а когда ты поцѣловалъ на авансценѣ премьершу и сдѣлалъ такой жестъ какъ будто ты здѣсь... я здѣсь... ты здѣсь не при чемъ — театръ дрогнулъ отъ аплодисментовъ... Я теперь знаменитость, старикъ, понимаешь — ты знаменитость теперь, старикъ... Твой портретъ будетъ напечатанъ во всѣхъ газетахъ... Фотографы выставятъ меня во весь ростъ. Понимаешь, старикъ: это слава! Ты пойдешь по улицѣ и услышишь за спиной: знаете, кто этотъ молодой человѣкъ? Нѣтъ, не знаю... Какъ же вы не знаете? Этотъ старикъ знаменитый драматургъ нашъ... Его пьеса идетъ сегодня въ 50-й разъ... Пріятно тебѣ будетъ слышать такой разговоръ за спиною, старикъ? Мнѣ будетъ пріятно... Я нарочно повернусь лицомъ къ тому изъ собесѣдниковъ, который скажетъ, что не знаетъ тебя: пусть въ его памяти запечатлѣтся мое лицо... Ужъ въ слѣдующій разъ онъ тебя узнаетъ сразу... Вотъ что, старикъ... Теперь я долженъ написать, ты долженъ написать еще одну пьесу: у меня ее съ руками оторвутъ антрепренеры... Ты, можетъ, кончилъ ту... которую ты началъ на прошлой недѣлѣ?

Старикъ (глубокимъ голосомъ). Сегодня кончилъ.

Авторъ. Сколько актовъ?

Старикъ. Три.

Авторъ. Четыре акта надо, старикъ. Зачѣмъ мнѣ писать 3 акта и получать 6 процентовъ, когда ты можешь написать четыре и получить восемь? Ну, что тебѣ стоитъ распредѣлить матеріалъ на 4 акта вмѣсто трехъ? Сдѣлай четыре акта, старикъ... Это рѣшено: я сдѣлаю четыре акта... Ты сдѣлаешь 4 акта, старикъ. Тебѣ давали сегодня ѣсть, старикъ?

Старикъ. Вы съ утра ушли сегодня на генеральную и взяли съ собой ключъ. Онъ не могъ податъ мнѣ пищу.

Авторъ. Ахъ, чортъ возьми, вѣдь я и вправду забылъ утромъ велѣть податъ тебѣ пищу. Я обѣдалъ сегодня послѣ репетиціи въ ресторанѣ. Ты угощалъ завѣдующаго клакой и одного репортера... Стоило 50 рублей, но ты не огорчайся, старикъ. Ты не на вѣтеръ выбросилъ эти деньги... Это хорошо, что я угостилъ ихъ... они будутъ чувствовать себя обязанными тебѣ. Да, ты ѣсть хочешь? Поѣшь, поѣшь, старикъ... Я съ удовольствіемъ закушу... Я вѣдь не поѣхалъ ужинать съ актерами... ты былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы ѣхать въ ресторанъ... Еще-бы. Такой успѣхъ. (Шумно звонитъ). Такой триумфъ.

Лакей (заспанный). Звонили?

Авторъ. Что у насъ есть изъ сѣбстнаго въ домѣ?

Лакей. Есть $\frac{1}{4}$ цыпленка холодного и сыру кусочекъ.

Авторъ. Тащи сюда! Я съ удовольствіемъ сѣмъ холодного цыпленка... Не правда-ли, старикъ? А выпить неужели у насъ ничего нѣтъ? Онъ выпить хочетъ, этотъ славный старикъ.

Лакей. Есть вино, только на донышкѣ...

Авторъ. Тащи его сюда... Намъ много и не надо вина... онъ и такъ пьянъ отъ счастья, милый старикъ... И цыпленка тащи... Я съ удовольствіемъ запью его глоткомъ вина... *(Лаксй уходитъ и тотчасъ же возвращается съ подносомъ, на которомъ тарелка съ 1/4 цыпленка, кусочекъ сыра и бутылка съ виномъ)*. Кромѣ этой пьесы, я напишу еще одну, старикъ... Ты напишешь 5 актовъ, старикъ... Ее переведутъ на всѣ языки, ее поставятъ въ Лондонѣ и Парижѣ... Я хочу изобразить въ ней... ты знаешь, что ты хочешь изобразить въ ней, старикъ? Что жъ ты молчишь? Ахъ, да, ты ѣсть хочешь. Твой сегодняшний успѣхъ сдѣлалъ меня эгоистомъ... Ёшь же, старикъ... *(Беретъ цыпленка и ѣсть)*. Отчего ты не ѣшь, старикъ? *(Выпиваетъ вино изъ горлышка)*. На, старичина. *(Суетъ ему кусокъ сыру и бутылку)*. Ёшь, старикъ, пей, старикъ... Ахъ, старикъ, если-бы я зналъ, какъ ты счастливъ сегодня. *(Старикъ съ трудомъ жуетъ черствый сыръ. Тянетъ изъ бутылки, убеждается, что она пустая и ставитъ ее около себя на полъ)*. Я адски счастливъ. Послѣ третьяго акта, когда ты стоялъ вотъ такъ на сценѣ съ лавровыми вѣнками въ рукахъ. *(Въшаетъ ему на руки вѣнки)*. Ты почувствовалъ, что чья-то пара глазъ прожигаетъ меня насквозь... Это были ея глаза, старикъ... Я сразу догадался, что это были ея глаза... Она сидѣла какъ разъ напротивъ сцены, въ ложѣ бель-этажа... Я пошелъ къ ней, старикъ, и она *(старикъ опускаетъ вѣнки на полъ)* сказала *(беретъ себя львою рукою за правую)* тебѣ: «вы гений». Глаза у нея сіяли, какъ двѣ звѣзды южной ночью... Она крѣпко пожала тебѣ вотъ эту мою руку *(хватаетъ правую руку старика)* и сказала: дайте мнѣ поцѣловать эту гениальную руку... склонилась и коснулась губками вотъ этой твоей руки... вотъ такъ... *(Цѣлуетъ свою руку)*. Ахъ, старикъ... Въ маѣ будетъ наша свадьба... Вы поѣдете въ Италію... Она непременно хочетъ провести медовый мѣсяцъ въ Италіи... Она говоритъ, что подъ италіанскимъ небомъ твой гений расцвѣтетъ еще пышнѣе и я напишу мировую драму... Ахъ, какъ я счастливъ... Ты готовъ прыгать, кричать, скакать. *(Сбрасываетъ съ себя куртку, воротникъ и галстухъ)*. Какъ я усталъ, старикъ... Ты страшно усталъ... *(Беретъ бутылку)*. Ты все вино выпилъ, старикъ? Ну, Богъ съ тобой... Ты заслужилъ сегодня бутылку вина... Ложись, ложись, старикъ *(снимаетъ сапоги)*... Ты заслужилъ сегодня отдыхъ *(зѣваетъ)*... Звѣзда моя... Ахъ, Италія... *(Ложится)*. Залитый голубымъ свѣтомъ Неаполитанскій заливъ... Ты и она на балконѣ... Соловей свищетъ... Я наклоняюсь... *(Засыпаетъ)*. Поцѣлуй... *(Заснулъ)*.

(Старикъ отбрасываетъ ногою вѣнки, мѣшающіе ему пройти, подходитъ къ столу, беретъ куриную косточку, сосетъ ее и съ ней медленно уходитъ, затворяетъ за собой дверь. Тишина.)

Авторъ просыпается. Вздрагиваетъ. Сидя на постели обводитъ комнату глазами. Срывается и бѣжитъ къ двери. Отворяетъ. Заглядываетъ внутрь. Вздохъ облегченія. Запираетъ дверь на ключъ. Дверь скрипитъ. Замокъ щелкаетъ какъ тюремный. Подъ занавѣсъ бѣжитъ обратно на постель).

Влад. Азовъ.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

„Жены“, Д. Айзмана.

Наденька (г-жа Ведринская). Рис. М. Слѣпня.

Изъ театральныхъ воспоминаній.

Мина Ивановна.

Министромъ двора при Николаѣ I былъ гр. Адлербергъ, отецъ министра же двора при Александрѣ II. Когда сынъ уже смѣнилъ отца, а отецъ еще былъ живъ, ихъ тоже различали цифрами I и II.

Въ казенно-театральномъ мірѣ, однако, николаевскій режимъ олицетворялся не Адлербергомъ I, а его нелегальной подругой Миной Ивановной. Властные руки этой помпадурши нѣмецкаго происхожденія, по рассказамъ театраловъ того времени, облекавшіяся, сообразно съ обстоятельствами, то въ бархатныя перчатки, то въ ежовыя рукавицы,—чувствовались рѣшительно всѣми, прикосновенными къ театрамъ, лицами, не исключая и самого графа, и поминились долго.

Я кончалъ уже гимназію, когда еще передавалось изъ устъ въ уста остроумное четверостишіе, сочиненное кѣмъ-то якобы отъ имени подневольнаго министра:

Я на службѣ царской
И ни въ чемъ невиненъ:
Будь хоть кто Пожарскій —
Я все буду Мининъ.

А. Ленскій.

Это былъ извѣстный трезвенникъ. Доводилось, однако, «въ чужомъ пиру похмелъе» претерпѣвать и ему.

Гастролировалъ онъ какъ-то въ Тифлисѣ одновременно съ Ивановымъ-Козельскимъ. Играли гастролеры въ разныхъ театрахъ и жили въ разныхъ гостиницахъ. И вотъ однажды, въ ту гостиницу, гдѣ жилъ Ленскій, въ его отсутствіе, привозятъ безчувственного Иванова-Козельскаго.

— У васъ, что ль, пріѣзжій актеръ остановился?

— У насъ.

— Получайте!

Не разглядѣвъ впотъмахъ, а можетъ быть и со сна, «актера» получили и внѣдрили въ номеръ Ленскаго. А на утро пошло по всему Тифлису:

— Слышали? Ленскій гдѣ-то вчера до того упился, что его уже замертво въ гостиницу доставили!

Помню я комнату, которую Ленскій занималъ въ квартирѣ К. А. Варламова, пока лицедѣйствовалъ въ Петербургѣ. Тутъ каждая мелочь говорила о хозяинѣ-художникѣ. Прежде всего бросался въ глаза стоявшій посреди комнаты бюстъ Сальвини, работы самого Ленскаго. Потомъ обращалъ на себя вниманіе уголь, сплошь, на аршинъ въ вышину по крайней мѣрѣ, засыпанный искусственными розами. Были еще каминные часы, отлитые тоже по модели Ленскаго. Остальное забылъ. И вся эта тонко-изящная, хотя и не безъ нѣкоторой вычурности, обстановка погибла въ какіе-нибудь полчаса оттого, что подвыпившій лакей слишкомъ усердно завернулъ на ночь керосиновую лампу. Бюстъ Сальвини, впрочемъ, успѣли выхватить... кажется!

Въ Петербургѣ Ленскій не прижился. По одной версіи, не дали ему ходу; по другой—не понравился онъ публикѣ.

Возможно и первое, возможно и второе. Съ одной стороны каждому, кто мало-мальски интересуется театромъ, хорошо извѣстно, что значить, когда «не даютъ ходу» актеру или актрисѣ; съ другой, дѣйствительно, «что городъ—то норовъ»...

В. Лихачовъ.

„КРИВОЕ ЗЕРКАЛО“.

Поэтъ.

Пажъ
г-жа де-Горпъ.

Маркизъ
г-жа Дарова.

Маркиза
г-жа Нелидова.

„Любовь въ вѣкахъ“ Тэффи (XVIII вѣкъ).

Рыцарь
г. Шахаловъ.

Дамы
г-жа Русланова.

„Любовь въ вѣкахъ“ (XIII вѣкъ).

Изъ Москвы.

По Боклевскому... Это вродѣ ultima ratio. Какой-то всеокрушающій доводъ, отъ котораго должны онѣ мѣть уста, и голова—почтительно склониться.

Думаю, спасовать полагалось-бы лишь предъ однимъ аргументомъ.

По Гоголю.

Въ томъ и вопросъ, такъ-ли ужъ покрываютъ другъ друга эти два опредѣленія: «по Гоголю», «по Боклевскому»? Рисунки послѣдняго къ «Мертвымъ душамъ» могутъ нравиться. Они пользуются популярностью. Но мнѣ все кажется, что Боклевскій гдѣ-то въ ногахъ у гиганта Гоголя. Понималъ его узко, мелко и упрощенно. Онъ сводилъ Гоголя на внѣшность и шаржъ. Онъ мѣнялъ великаго изобразителя жизни и души на достаточно мелкую монету. Онъ больше видѣлъ кадыки, бородавки, оплывшіе затылки, чѣмъ выраженіе глазъ, душу, лица. И онъ думалъ, вѣроятно, что въ Гоголѣ цѣны и важны всея рѣзкости. Если бы онъ былъ правъ, Гоголь не былъ-бы Гоголемъ, скоро умеръ. Самой характерной бородавкѣ не суждено безсмертіе.

И когда про постановку художественниковъ, стоявшую года работы и громадныхъ напряженій, говорятъ, и другіе, и они сами: «по Боклевскому»,—это не возвеличеніе и не оправданіе спектакля, но его осужденіе. И злѣе нельзя выдумать. Это—Гоголь, переведенный въ плоскость внѣшнихъ комическихъ эффектовъ, обнищавшій въ своемъ существенномъ содержаніи. Гоголь не по Гоголю. И Гоголь паче всего боялся именно этого.

«Больше всего надобно опасаться, чтобы не впасть въ карикатуру—начинаетъ онъ свое «Предувѣдомленіе»,—ничего не должно быть преувеличеннаго или тривиальнаго даже въ послѣднихъ роляхъ. Напротивъ, нужно особенно стараться актеру быть скромнѣй, проще и какъ-бы благороднѣй, чѣмъ

„КРИВОЕ ЗЕРКАЛО“.

Оль-Оль
г. Дарова.Глуховицъ
г. Лукинъ.Нѣкто съ роу
г. Александровскій.Офицеръ
г. Хенкинъ.Онѹфрїй
г. Шахаловъ.

„Дни нашей жизни“, соч. Мм. (Пародія).

какъ въ самомъ дѣлѣ есть то лицо, которое представляется». «Мелкія причуды и мелкія особенности внѣшности»,—пусть онѣ будутъ на послѣднемъ мѣстѣ, пусть онѣ отнимутъ лишь минимумъ вниманія.

— А то,—могъ бы онъ прибавить,—это буду уже не я, это будетъ только Боклевскій...

Когда «Ревизоръ» былъ сыгранъ, у меня былъ долгій и жаркій споръ съ однимъ изъ близкихъ къ Художественному театру. Сейчасъ въ Москвѣ только и спорятъ, что о «Ревизорѣ», судятъ и рядятъ на всѣ лады. Художественный театръ всегда умѣетъ давать богатую пищу разговорамъ. Никогда его спектакли не бываютъ безразличны. Мой собесѣдникъ отстаивалъ не детали, не формы и способы осуществленія, а самый принципъ, *idée maitre* постановки.

— Да если бы вамъ дать теперь только Гоголя, не разцвѣченного фантазіей театра, не преувеличенного, не обогащенного тѣмъ, что театръ придумалъ,—вы-бы въ первомъ актѣ скучали, во второмъ зѣвали, а къ четвертому сбѣжали. Гоголя было необходимо омолодить. И нашъ театръ старался это сдѣлать. Сколько онъ придумалъ! Или вы считаете, что Гоголь неприкосновененъ? И въ васъ оскорбленъ пѣтеть?

Не въ пѣтеть дѣло. Не станемъ поднимать этотъ споръ о правахъ автора,—споръ, къ которому столько разъ давалъ поводы готъ-же Художественный театръ, и постановкою «Снѣгурочки», «Брандомъ» и «Штокманомъ». Здѣсь, въ этомъ вопросѣ перепутываются столько сложныхъ вопросовъ, сталкиваются такіе большіе художественные интересы. Говорилъ-же мнѣ какъ-то Гордонъ Крэгъ:

— Театръ шесть тысячъ лѣтъ (я не знаю, откуда онъ ведетъ лѣтосчисленіе) былъ съ авторомъ. И вотъ что вышло. Попробуемъ безъ автора. Можетъ быть, выйдетъ лучше.

Да, такъ не въ пѣтеть дѣло, а именно въ томъ, лучше-ли выходить.

Если-бы Гоголь сталъ глубже, важнѣе, краше,—

театръ былъ-бы правъ, при всей своей непочтительности. Такъ, на мой взглядъ, и было со Штокманомъ Станиславскаго. Не было съ «Ревизоромъ». Цитированныя слова «Предувѣдомленія» не потому такъ цѣнны, что они—Гоголя, освящены его авторитетомъ, но потому, что въ нихъ—внутренняя цѣнность. Они правильно и мѣтко выражаютъ законъ комическаго. И когда съ ними не считаются, но, вывернувъ наизнанку, говорятъ: «должно быть преувеличенное и тривиальное»—страдаетъ не Гоголь, но театръ въ его художественномъ интересѣ.

«Самому Гоголю не докатиться до современнаго зрителя, поставимъ его на салазки нашихъ выдумокъ»,—такъ рѣшилъ Художественный театръ. И въ этомъ направленіи повелъ свою работу. Не будемъ говорить страшныхъ словъ. Онъ не профанировалъ Гоголя. Онъ его не искажалъ. Онъ только его преувеличивалъ, и чрезъ то мельчилъ, въ тщетной надеждѣ, что, преувеличенный, Гоголь будетъ ярче, занимательнѣе и вразумительнѣе и завладѣетъ вниманіемъ. Театръ не довѣрялъ Гоголю и вѣрилъ въ себя. Лучше-бы, если бы было наоборотъ.

Правда, тогда не получилось-бы «событія». Было бы просто хорошо, можетъ быть—очень хорошо сыгранный «Ревизоръ». Настоящая бѣда Художественнаго театра именно въ томъ, что онъ цѣлымъ рядомъ причинъ поставленъ на такую линію: непременно давай «событія», дѣлай по три раза въ сезонъ «эпоху».

Конечно, К. С. Станиславскій и самъ ясно видитъ, что давить Хлестакову, клопа или становиться на голову—это только безвкусно. Это не увеличиваетъ Гоголя, его выразительности и прелести. Это—«Боклевскій». И Станиславскому ничего, конечно, не стоило убрать клопа, отмѣнить сальтомортале, умѣрить опьяненіе Хлестакова, который сейчасъ лыка не вяжетъ въ сценѣ вранья, укротить подбородокъ Земляники, согнать блаженно-глупую гримасу съ лица Добчинскаго и т. д. и т. д. Но все это—лишь частныя выраженія, одни—похуже, другія—лучше, того же общаго принципа: дать Го-

голя въ крайностяхъ. Принципъ же подсказанъ, за-мѣтно или незамѣтно для самого К. С. Станиславскаго и для всего его театра—необходимостью дать «событіе». И вкусъ, попавъ въ лапы этой необходимости и этого принципа, уже плохо различаетъ. Вступите со Станиславскимъ на этотъ путь—на грубомъ языкѣ онъ зовется путемъ сенсациі,—и вы уже легко пойдете съ нимъ до конца, до какихъ хотите клоповъ.

Я хочу сильнѣе подчеркнуть то, что сказалъ. Я убѣжденъ, что «сенсациі» нѣтъ въ сознаниі Художественнаго театра. Это въ несознаваемыхъ тайникахъ ихъ творческой психологіи. Это—отнюдь не фокусничество. Сознаніе начинается тамъ, гдѣ безсознательное уже сдѣлало свое дѣло и опредѣлило руководящую идею: Гоголь такъ не дойдетъ, и надо его играть въ крайностяхъ, съ громадными выпуклостями, въ маскахъ вмѣсто живыхъ лицъ, въ сплошныхъ «тикахъ». А подъ бокомъ вертится, какъ мелкій бѣсъ, «Боклевскій». Называю его не какъ имя, а какъ общее обозначеніе. И Станиславскій, громадный художникъ, начинаетъ работать, какъ маленькій карикатуристъ...

Въ своемъ докладѣ на юбилеѣ, Станиславскій сдѣлалъ одно весьма характерное признаніе. «Въ моемъ распоряженіи не было настоящихъ актеровъ, большихъ талантовъ и большихъ опытныхъ мастеровъ. И я долженъ былъ заслонять ихъ отъ глазъ публики ухищреніями, обстановкою, постановкою, внѣшнею типичностью. Это были ширмы. Теперь въ моемъ распоряженіи раскрывшіеся таланты, выработанное умѣнье. И я снимаю ширмы. Но легче сказать: снимаю ширмы, чѣмъ снять ихъ».

Г. Ураловъ, который специально для того и взять

„КРИВОЕ ЗЕРКАЛО“.

Г. Лукинъ.

Г-жа Мальгородская.

„Любовь въ вѣкахъ“, Тэффи, муз. И. Чекрыгина.
(Вѣкъ обезьянъ).

въ группу Художественнаго театра, чтобы играть городничаго,—опредѣленно талантливый актеръ. Талантъ, который не нужно заставлять никакими ширмами. Онъ и ярко-выразителенъ, и художественно-чутко. Онъ чувствуетъ въ каждомъ гоголевскомъ словѣ живую жизнь. У него—тонкій слухъ, онъ чувствуетъ, больше чувствуетъ, чѣмъ сознательно понимаетъ, всѣ оттѣнки. У него—большая свѣжесть. Отсутствуетъ шаблонъ. Такое впечатлѣніе, что не знаетъ онъ никакихъ «традицій» роли городничаго, что никогда никого въ этой роли не видалъ. Смѣло, открыто подошелъ къ роли и взялъ ее такъ, какъ почуствовалъ. И многое въ его исполненіи было отлично,—по новому вѣрно, оригинально. Если «Ревизоръ» будетъ держаться въ репертуарѣ, то благодаря именно этому, а не какимъ-угодно, самымъ затѣйливымъ бородавкамъ. Но и его заставили ширмами, о которыхъ я говорилъ. Его талантъ пробовали въ твердой вѣрѣ, что такъ будетъ еще лучше—заслонить внѣшними крайностями. Въ лишніяхъ движеніяхъ, интонаціяхъ, жестикуляціи, костюмѣ. И это его, конечно, лишь портило, подводило къ «Боклевскому». Однако г. Уралова—меньше, чѣмъ остальныхъ. И уже не отъ ширмъ, а отъ свойствъ дарованія или натуры г. Уралова—что нѣтъ достаточной драматической силы въ финальномъ монологѣ.

Впрочемъ, и тутъ не безъ нѣкотораго кумовства. Какъ говорить: «надъ чѣмъ смѣетесь?» Тотъ принципъ, который правилъ спектаклемъ, подсказывалъ: обратите эти слова къ персонажамъ по сценѣ. И, дѣйствительно, гости Сквозникъ-Дмухановскаго слушаютъ письмо, съ начала монолога, тихонько хихикая. А говорить въ публику,—это слишкомъ vieux jeu! Но никакая aberrация, никакой невѣрный навязчивый принципъ не можетъ укрыть отъ глазъ, что это—нелѣпость. Что тутъ дешевому натурализму будетъ принесена въ жертву душа и разумъ всей комедіи, будетъ притуплено и забурено главное ея остріе. Пафосъ Гоголя здѣсь слишкомъ повелителенъ. «Принципъ» слался. Но не совсѣмъ. Нѣтъ, въ публику—нельзя! Ужъ очень не сенсационно. И фраза выходитъ какъ-то въ полъ-оборота, садится между двухъ стульевъ. Понимай, какъ хочешь. А впечатлѣнія—то и нѣтъ... Любопытнѣйшая это частность!..

И та же психологія сыграла, по моему, свою роль въ томъ, что Хлестакова, на которомъ срывались и актеры большого опыта, отдали новичку сцены, г. Гореву. Тутъ ужъ ширмы были необходимы. Логическое слѣдствіе выбора исполнителя. Г. Горевъ—талантливый. Это было видно и въ Хлестаковѣ. Съ отличными данными. Надо думать, хорошей выработается изъ него актеръ. Но развѣ можно было возлагать на его неокрѣпшія силы такую роль? Я не о рангахъ театралныхъ говорю. Но Хлестакова наитіемъ играть нельзя. Надо быть во всеоружіи искусства. Въ боевой сценѣ г. Горевъ совсѣмъ потерялся. И г. Станиславскій поспѣшилъ со своими испытанными ширмами. Была обстоятельно разработана картина опьяненія. Это было хорошо сыграно, но сыграно не то, что писалъ и чего хотѣлъ Гоголь. А безъ этой сцены, увлеченной и увлекательной, нѣтъ Хлестакова и даже нѣтъ «Ревизора».

Въ другихъ сценахъ г. Горевъ былъ много лучше, а иногда—и хорошъ. «И лгунишка, и подляшка, и трусишка, и шелкоперъ во всѣхъ отношеніяхъ», какъ писалъ Гоголь Сосницкому, когда, въ 1846 г., просилъ его возобновить въ бенефисъ «Ревизора» съ «Развязкой Ревизора». Только, опять—изъ принципа доведенія до крайностей, очень ужъ Хлестаковъ былъ юнъ, мальчишка. И это тоже былъ «Боклевскій»...

Отличный Земляника—г. Адашевъ, несмотря на всѣ преувеличенія въ гримѣ и злоупотребленія толщинками. Ходитъ гора-горой. Но великолѣпный тонъ, очень умная интонація, очень подходящие глаза. Поскучнѣе, но живой и своеобразный почтмейстеръ—г. Лужскій. Наивная, милая, совсѣмъ искренно влюбленная въ Хлестакова Марья Антоновна—г-жа Коренева. Тоже не очень яркая, упрощенная въ содержаніи. Но правдивая и пріятная.

По началу я думалъ, что очень будетъ интересна О. Л. Книпперъ въ Аннѣ Андреевнѣ. Роль—не ея, не по ея нерусскому лицу, не по всему ея артистическому складу. Но г-жа Книпперъ сумѣла очень отойти отъ себя. Что то такое сдѣлала съ лицомъ, изысканное подмѣнила вулгарнымъ, спрятала себя подъ нѣкоторыми мимическими движеніями. Мы привыкли, что городничиха все-таки внѣшне культурнѣе. Эта Анна Андреевна—архи-захолустная. Но было интересно и многообѣщающе. Обѣщаніе сдержано не было. Точно г-жа Книпперъ сбилась. И правда пропала. Было лишь показное, были рѣзкости... По Боклевскому...

И опредѣленно по Боклевскому—всѣ остальные, даже такіе талантливые, какъ г. Москвинъ. Первый рассказъ Бобчинскаго онъ передалъ хорошо. И такіе любопытствующіе, такіе наивно-переполошенные были глаза. Но все остальное—только внѣшнее, и скоро надоѣло. Боклевскій надоѣдаетъ быстро.

Обрадовала заключительная нѣмая сцена. Она была красива и выразительна. И все время радовала обстановка. Очень характерная, въ стилѣ, очень продуманная во всѣхъ деталяхъ и очено удобная для мизансценъ. По этой части театръ заслужилъ полный баллъ.

Н. Эфросъ.

З а м ѣ т к и

Цѣлый день я читалъ газеты, въ которыхъ много, много столбцовъ о «Ревизорѣ», поставленномъ въ московскомъ Художественномъ театрѣ. Начитался газетъ, и мнѣ кажется, что я какъ Поприщинъ, наглотавшійся извѣстій о Полиньякѣ и испанскихъ дѣлахъ. О, это такая бестія—Полиньякъ!

Судить о томъ, чего не видалъ, я, конечно, не могу. Но къ счастью, въ газетныхъ рецензіяхъ, кромѣ соображеній гг. рецензентовъ и свойственного имъ (особенно московскимъ) «немножко философіи», приводится цѣлый рядъ фактическихъ данныхъ и указаній относительно того, какъ поставленъ «Ревизоръ». Это уже факты объектив-

„К Р И В О Е З Е Р К А Л О“.

Поэтъ
г. Лукинъ.

Дочь Иванова
г-жа Нелидова.

Ивановъ
г. Шахаловъ.
Уголовный кодексъ (г. Марковъ).

Иванова
г. Давыдова

Сестра Ивановъ
г. Хенкивъ.

„Лицедейство о г. Ивановѣ“ Бенедикта (Моралите XX вѣка).

наго значенія, объективной цѣнности—и мнѣ буквально становится страшно за вандализмъ московскаго театра. Мало ли ничтожныхъ и негодныхъ маляровъ пачкаютъ картину Рафаэля! Но вѣдь московскій театръ—«авторитетъ», вѣдь ему многіе поклоняются, его считаютъ «учителемъ», и какую бы глупость ни выкинулъ г. Станиславскій, сейчасъ находятся сотни подражателей. Вѣдь достаточно безобразна была уже постановка «Горя отъ ума», изъ котораго вытравили всю поэзію. А между тѣмъ, сколько разъ приходилось читать на провинціальныхъ афишахъ, что «Горе отъ ума» ставится «по mise en scèn'амъ московскаго Художественнаго театра». Теперь можно ожидать, что les plus sots, qui admirent, станутъ вотъ этакъ же обрабатывать «Ревизора». А такъ какъ г. Станиславскій объявилъ на юбилей Художественнаго театра, что нынче онъ, вообще, рѣшился приняться за русскихъ классиковъ, то вѣдь предъ нами перспектива пачканія всей галлерей русскихъ классиковъ, стерилизаціи всѣхъ цвѣтковъ нашей культуры, извращенія всего достоянія нашей души, всего духа нашего, всей святыни нашей...

Господа! Это серьезно! Это гораздо серьезнѣе не только вопроса о томъ, остается ли директоромъ Императорскихъ театровъ г. Теляковскій или не остается, но даже того, годится или не годится, и если годится, то на что годится, третья Дума. Здѣсь ставкой вся наша культура, самый характеръ національной поэзіи, самая суть народной души. Мы идемъ къ варварству, потому что выбрасываемъ за окно всѣ традиции наши, всѣ заветы и преданія, всю сложную, коллективную работу русскаго гения, извращаемъ ее, перекашиваемъ физиономію. Мы отрываемъ корни наши отъ почвы, мы заплываемъ наши самыя чистыя, самыя дорогія дѣтскія впечатлѣнія и воспріятія, мы ставимъ вверхъ

дномъ нашу литературную дисциплину, нашу культурную догму — все то немногое, чѣмъ подарила насъ русская жизнь и что заключено въ нашей литературѣ. Такъ относиться къ классикамъ значитъ — раздѣвать насъ до гола — буквально, нашу красоту покрывать дегтемъ и вываливать въ перьяхъ, отнимать, шагъ за шагомъ, всѣ радости нашей поэзии, нашего юмора, нашей лирики. Грубые варвары глядя съ подмостковъ Худож. театра, ставящаго русскихъ классиковъ, и заставляютъ насъ ненавидѣть — да, я смѣло употребляю это слово — тѣхъ, кого мы привыкли любить, какъ дорогихъ и близкихъ нашему сердцу людей.

Относительно Гоголя и «Ревизора» я этого не преувеличиваю нисколько, если вѣрно все то, что пишутъ газеты, хвалятъ ли онѣ или ругаютъ. Эти фактическія подробности вопіютъ, и пора же, наконецъ, русскому театру, русскому актеру, русской литературѣ сказать г. Станиславскому.

— Довольно! Прекратите это кощунство! По тѣмъ ли, по другимъ ли причинамъ, вы пользуетесь авторитетомъ и значеніемъ. Такъ не соблазняйте же малыхъ сихъ!

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, что въ московскомъ театрѣ сдѣлали изъ «Ревизора»? Вотъ, напримеръ, благожелательная рецензія «Рус. Вѣдом.», въ которой рецензентъ заранее уже объявляетъ, что «всякій привычный зритель театра — болѣе или менѣе рутинеръ. Требуя отъ новыхъ произведеній новыхъ формъ возбужденія нервовъ, онъ безсознательно требуетъ піэтета къ старымъ». Рецензентъ какъ будто полу-извиняется въ томъ, что требуетъ «піэтета» къ старому, и готовъ объяснить это «безсознательностью». Но съ какой же точки зрѣнія подобный «піэтетъ» заслуживаетъ порицанія? Единственная точка зрѣнія, отрицающая традицію, швыряющая ее за окно, какъ тухлую курицу, — это точка зрѣнія нигилистическая, буйственно-анархическая точка зрѣнія какого-нибудь Саввы или Тюхи, преслѣдуемаго рожжами. Вся тонкость искусства, вся тонкость знатоковъ искусства — въ умѣни и способности раскрывать красоту традиціи. Это не «безсознательность», какъ полагаетъ рецензентъ «Рус. Вѣд.», а естественнѣйшій, натуральнѣйшій признакъ школы, воспитанія, образованія. Безъ «піэтета» къ традиціямъ возможны только дикари да нигилисты, которые недалеко, если только они вполне послѣдовательны, ушли отъ дикарей.

Что такое классицизмъ?

Классицизмъ представляетъ религію литературныхъ предковъ. Классицизмъ включаетъ въ себя молитву. Классицизмъ есть догматъ, обожаніе преданій, колѣнопреклоненіе. Въ классицизмѣ поетъ вся радость старой жизни, встаютъ изъ гроба дорогие мертвецы, оживаютъ старые, прекрасные лики. Классицизмъ, это — заповѣдная роща, потускнѣвшій образъ въ полинявшихъ ризахъ, засушенный цвѣтокъ, такой прозрачный и хрупкій, что вотъ кажется стоитъ дунуть на него и онъ разсыплется. Классицизмъ, это — старый храмъ, который реставрируютъ съ такою осторожностью, непременно въ стилѣ его первоначальной постройки; это старая картина, старая скрипка, старая утварь. Новая жизнь бѣжитъ, мѣняется, сбрасываетъ шкуру, моды и фасоны. Годъ прошелъ и новое уже кажется старымъ. Но есть уголокъ въ глубинѣ сердца, гдѣ живы, чуть теплясь, дорогія традиціи... И эту неугасимую лампаду мы называемъ классицизмомъ. До сихъ поръ такъ всѣми понималось, что отношеніе къ классическому произведенію должно быть самое бережное, что изъ всѣхъ классическихъ традицій нужно выбрать самую строгія, самую без-

спорная, и въ ихъ свѣтѣ, въ ихъ орнаментѣ, представить классическую вещь.

И я совершенно не понимаю, откуда эта иронія къ «піэкету» у рецензента московской газеты.

А впрочемъ, что тутъ толковать о классицизмѣ! Перейдемъ къ фактамъ, какъ они передаются въ отчетахъ газетъ.

«Ревизоръ» начинается слѣдующимъ образомъ:

Когда открылся занавѣсъ, казалось, что продолжается „Жизнь Человѣка“. Уродливыя фигуры, похожія на тѣхъ, которыхъ мы видѣли на балу у „Человѣка“, какъ-то стилизованно-медленно двигались, почти не измѣняя выраженія выпученныхъ глазъ, предпосылая словамъ какіе-то странные шипящіе и свистящіе звуки. Казалось, что вмѣсто знакомыхъ словъ о причинахъ приѣзда ревизора мы услышимъ: „какъ пышно, какъ богато!“ и раздается надолблывающій мотивъ, сопровождавшій нелѣпыя восклицанія. Но это впечатлѣніе осталось ненадолго. Манекены зашевелились и представлеііе „Ревизора“ началось. По внѣшности дѣйствующія лица были сняты съ извѣстныхъ рисунковъ Боклевскаго (сняты до такой степени точно, что въ послѣднемъ актѣ мы видѣли даже Ноздрева, который пришелъ полюбоваться на результаты дѣяній Хлестакова). Близость къ рисункамъ была для многихъ дѣйствующихъ лицъ неизбежно связана съ деревянностью и отсутствіемъ мимики. Въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ пьесы, при самыхъ различныхъ душевныхъ движеніяхъ на зрителя смотрѣли широко раскрытые глаза Земляники на совершенно неподвижномъ лицѣ. Такъ было не у одного Земляники, и это придавало изображенію чиновничьяго міра характеръ чего-то застывшаго, не поддающагося впечатлѣніямъ и измѣненіямъ, чего-то общаго, безнадежнаго и нечеловѣчески-уродливаго. Отъ опредѣленнаго быта и яркихъ конкретныхъ рамокъ пьесы отходила въ область отвлеченности. („Рус. Вѣдом.“).

Какъ вамъ нравится примѣненіе этихъ «стилизацій» къ нашему Гоголю? «Деревянность» барельефовъ въ галлерей гоголевскихъ типовъ? Но оканчивается, и это не было выдержано, а была нѣкоторая «двойственность».

Къ этой «двойственности» исполненія, — въ абстрактности однихъ фигуръ и конкретности другихъ, — заключается, какъ намъ кажется, главная оригинальность (!) вчерашняго спектакля.

Хорошенькая «оригинальность», которая заключается въ томъ, что стилъ, какъ штаны венеціанцевъ, двухъ разныхъ мастей.

Почитатель Художественнаго театра, г. С. Яблоновскій, пишетъ въ «Рус. Словѣ»:

Никогда, вѣроятно, на сценѣ „Ревизоръ“ не появлялся такимъ шаржированнымъ, какъ здѣсь. И къ сожалѣнію, комизмъ этотъ въ большинствѣ случаевъ чисто внѣшній.

Каковъ этотъ внѣшній «шаржированный» комизмъ? Позвольте привести нѣсколько примѣровъ.

Когда Хлестакову приносятъ во второмъ актѣ ѣсть, онъ «отъ радости становится на голову» («Моск. Вѣд.»).

Пришли перепуганные купцы, трясуть въ страхахъ бородами. Ихъ много, ввалились цѣлою оравой. Тогда городничій, засучивъ рукавъ розовой рубахи надъ богатырскою рукою, съ аппетитомъ поплевалъ въ ладонь, сжалъ пальцы въ грандіозный кулакъ, широко размахнулся. Рразъ! Рразъ! Загулялъ кулакъ по купецкимъ скуламъ и шеямъ, считаетъ купецкіе зубы. Абдулины повалились. Стонуть, ухають, ревутъ. („Рѣчь“).

„Выходъ Бобчинскаго и Добчинскаго. Эта парочка влетѣла буквально, какъ выпариваютъ въ „Прекрасной Еленѣ“ два Аякса. Былъ моментъ, когда возможнымъ казалось, что артисты запоютъ: „Вотъ мы пришли, величаво шли“ и т. д. Этого, конечно, не случилось, но оба исполнителя продолжали „опереточную стилизацію“ и, для большаго сходства съ героями „Прекрасной Елены“, даже поцѣловались (!!) на сценѣ! („Нов. Вр.“).

„Хлестаковъ кончикомъ ноги давить на стѣнѣ клопа“ („Рѣчь“).

„Публика не смѣется, хотя онъ даже схватываетъ изъ-подъ кровати штиблетъ и запускаетъ имъ въ Осипа. Не смѣется даже тогда, когда онъ разгуливаетъ босикомъ по комнатѣ, даже тогда, когда артистъ, „чтобы смѣшить народъ, отважно жертвуетъ затылкомъ“, становясь на кровати головой внизъ и болтая въ воздухѣ носками“. („Рус. Слово“).

„Г-жа Книпперъ (Анна Андреевна) кричала и даже визжала на весь театр. Артистка конечно вышла съ „деталью“: Анна Андреевна поминутно „хлопала носомъ“, какъ иногда го-

ворять няньки о вѣрнѣхъ имъ дѣтяхъ. Марья Антоновна, по приказу г. Станиславскаго, изображала прямо деревенскую дѣвчонку. У Гоголя Марья Антоновна, когда ее Хлестаковъ цѣлуетъ въ плечо, встаетъ въ негодованіи (ремарка автора) и говоритъ: „Нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Наглость какая!“ А у г. Станиславскаго исполнительница кривитъ лицо и начинаетъ плаксиво выть“. (Нов. Вр.“).

Послѣ всѣхъ этихъ цитатъ, не могу себѣ отказать въ удовольствіи отмѣтить, что „Гол. Москвы“ „Дій Одинокій“ (точно—онъ вполне одинокъ) утверждаетъ, что „твердая рука чуткаго режиссера старательно устранила все буффонадное“, что „властвовали, несомнѣнно, хорошо понятые и прекрасно усвоенные завѣты Гоголя“, и что „отсутствіе буффонадныхъ трюковъ разочаровало любителей ихъ и создало впечатлѣніе вялости нѣкоторыхъ сценъ“. Становится на голову, лупитъ Абдулина по мордѣ, давитъ клопа, сдѣлать физиономіи рѣдкой вверхъ, рѣдкой внизъ, беззвучно шипѣть и пр.—все это „отсутствіе буффонады“,—и отсюда „вялость“. А казалось бы, какого еще рожна надо?

Мнѣ пришлось, подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ прочитанныхъ рецензій, бесѣдовать съ однимъ бывалымъ актеремъ. Когда я ему сообщилъ, про клоповъ и сальтомортале въ „Ревизорѣ“ московскаго театра, онъ совершенно равнодушно замѣтилъ:

— Когда мнѣ было 25 лѣтъ, то меня однажды оштрафовали за эти фортеля въ „Ревизорѣ“...

Его штрафовали, а теперь въ провинціи стануť писать на афишахъ „mise en scѣne“ московскаго Художественнаго театра...

Г. Станиславскаго некому оштрафовать. Онъ самъ источникъ власти. „Твердая рука чуткаго режиссера“ давитъ клопа и самого себя гладитъ по головкѣ. „Чуткій режиссеръ“ устраиваетъ „икарійскія игры“, стоя на головѣ и болтая отъ радости ногами. И замѣьте, все-таки, „вяло“!

„Ревизоръ“ сыгранъ, и ничего, кромѣ вялости и ѣдкаго запаха клопа, раздвоеннаго въ честь режиссерскаго самодурства и самовластиа...

Нотю novus.

Письма въ редакцію.

М. г. Мною организована поѣздка по городамъ Кавказа и Закаспійскаго края. Въ составъ труппы я принялъ артистку Евдокію Андреевну Николаеву, (она же Панина и Милицына). Недѣли за двѣ до начала репетицій, когда мое дѣло было еще въ проектѣ, эта артистка ходила ко мнѣ, умоляя взять ее въ труппу, такъ какъ положеніе ея такое тяжелое, что она готова окончить жизнь самоубійствомъ съ отчаянія. Я ее взялъ изъ сожалѣнія и далъ ей то жалованье, которое она спросила.

16-го октября я подписалъ съ нею контрактъ и выдалъ авансъ—20 рублей, а еще 10 рублей ей были даны раньше, такъ какъ она говорила, что ей ѣсть нечего. Получивъ авансъ она прорепетировала нѣсколько дней и скрылась накануне отъѣзда, поставивъ меня тѣмъ въ ужасное положеніе. Въ оставленномъ ею письмѣ она выставила причину, что мужъ потребовалъ ее и она была выслана изъ Москвы въ 24 часа, тогда какъ по полученію аванса мужъ ее не требовалъ и никто ее изъ Москвы не высылалъ цѣлыхъ два мѣсяца. Остается удивляться, какъ ея мужъ—самъ актеръ, допускаетъ жену взять авансъ и только тогда требуетъ ее.

Примите и проч.

Артистъ *Сергій Владиміровичъ Гаранинъ*.

М. г. Въ виду распространенныхъ слуховъ въ Оренбургѣ, будто артистка Мельгорская стрѣляла въ г. Пятницкаго изъ ревности, покорнѣе прошу Васъ, по ея просьбѣ, дать мѣсто нижеслѣдующимъ моимъ строкамъ, какъ ея будущаго защитника: г-жа Мельгорская, вполне сознавая, что въ смыслѣ отвѣтственности ея признаніе ставитъ ее въ невыгодное положеніе, но во имя правды, отъ которой никогда не отступала, утверждаетъ, что стрѣляла въ предсѣдателя оренбургской театральной комиссіи, нотариуса Пятницкаго, доведенная до этого грубымъ и непристойнымъ поведеніемъ г. Пятницкаго. Выстрѣлъ этотъ ничего общаго не имѣлъ ни съ ревностью, ни съ любовью

(никакихъ сношеній между героями этого печальнаго случая не было), а явился результатомъ глубокаго и грубаго оскорбленія, нанесеннаго г-жѣ Мельгорской, какъ женщинѣ и человѣку. Между прочимъ г. Пятницкій неоднократно, по словамъ мѣстной прессы и людей его знающихъ, доводилъ своихъ знакомыхъ до подобныхъ эксцессовъ болѣе чѣмъ своеобразной манерой поведенія.

Въ Оренбургѣ и по нынѣ не забыли случая, какъ того же Пятницкаго били гитарой по головѣ; одна артистка, спасаясь отъ его „джентельменства“, бросила въ него горящей лампой, а другая публично бросила ему въ лицо стаканъ вина.

Г-жу Мельгорскую я лично знаю давно и привыкъ вѣрить ей, какъ правдивому человѣку и цѣнить ее какъ талантливую артистку.

Прис. повѣр. *М. Я. Френкель*.

г. Кіевъ.

17 декабря 1908 г.

М. г. Просимъ не отказать помѣстить на страницахъ уважаемаго журнала „Театръ и Искусство“ нѣсколько строкъ, рисующихъ безправное положеніе украинскаго актера и ненормальныя условія, въ какія поставлено украинское театральное дѣло.

10 декабря с. г. въ г. Ливнахъ Орловской губ. послѣ несостоявшагося спектакля—„Панна Штукарка“ позорно сбѣжалъ антрепренеръ украинской труппы И. А. Сагинъ, и самый спектакль также не состоялся, потому что не явился играть на спектакль самъ г. Сагинъ.

Труппа осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію, что называется безъ копѣйки, не говоря уже о томъ, что г. Сагинъ остался долженъ труппѣ болѣе 500 руб. при очень мизерныхъ окладахъ жалованья.

Когда-же, наконецъ, украинскіе актеры будутъ ограждены отъ издѣвательствъ и произвола подобныхъ господъ Сагиныхъ, берущихъ на себя смѣлость брать антрепризу и потомъ бросающихъ людей на произволъ судьбы?

Все зло, по нашему мнѣнію, въ томъ, что украинскіе актеры не имѣютъ своего союза, своего театральнаго бюро, гдѣ могли бы найти хоть какую нибудь защиту и черезъ посредство котораго актеры заключали бы контракты съ антрепренерами, внесшими извѣстный залогъ. Теперь же у насъ, на украинской сценѣ, антрепренеромъ можетъ быть всякій, кто имѣетъ много смѣлости, 100 руб. денегъ, десятокъ пьесъ и оркестровка „Наташки-Полтавки“.

Давно пора положить конецъ наглому эксплуатаціи актерскаго труда, давно пора проснуться украинскому актеру! Оставшіеся актеры составили товарищество и будутъ работать на товарищескихъ началахъ до конца сезона.

Пр. и пр. И. Г. Березнякъ. О. И. Чепеленко. В. С. Войтенко. В. Д. Гордіенко. Г. К. Богдановичъ. Е. Украинка. В. А. Войнаровская. Н. В. Хлѣборобъ. М. М. Михайлова. Е. И. Ткачева. И. И. Корніенко. Е. А. Аксеновъ. В. И. Селезнева. Дирижеръ В. М. Элькинъ. Е. А. Украинскій. И. Р. Славенскій. г. Ливны. — 15 декабря 1908 г.

М. г. Въ 51 № Вашего журнала 8 человѣкъ хористовъ вызываютъ о помощи, т. к. „нынѣ оставлены за бортомъ, не получивъ денежнаго разсчета“.

Кромѣ г. Сагайдачнаго, которому дѣйствительно отказано, никто остальныхъ семи лицамъ не отказывалъ въ работѣ, а также и въ деньгахъ. Труппа сама себя наказала, не пожелавъ начать сезонъ въ „холерномъ“ Петербургѣ. Пришлось два мѣсяца скитаться по небольшимъ городамъ (Юрьевъ, Псковъ, Митава) и, естественно труппа не получила. Въ Петербургѣ „жалобщики“ работали 28 дней и получили почти полностью свое жалованье. Всѣмъ имъ вмѣстѣ недоплачено 35 р. 50 к. Эту сумму они могли получить безъ жалобъ г. Градоначальнику, но они потребовали „полный разсчетъ“. Время тяжелое, предпраздничное и требованіе несправедливое. Слѣдующимъ имъ 35 р. 50 к. внесены г. участковому приставу, который по жалобѣ хористовъ произвелъ уже дознаніе.

Инцидентъ съ Сагайдачнымъ описанъ неправильно. Шелъ спектакль, а г. Сагайдачный, весьма буйнаго характера господинъ, которому я въ Либавѣ во время спектакля перевязывалъ руку, проколотую ножомъ его супругой за какую-то неслыханную съ его стороны—дерзость, сильно шумѣлъ. Крики доносились на сцену, мѣшая играть и помощникъ—г. Мошковцевъ, сказалъ сторожу: „Иванъ, проси ихъ разойтись по уборнымъ“. На это вполне корректное требованіе, г. Сагайдачный крикнулъ: „Плати деньги, тогда требуй тишину. Я спросилъ его послѣ спектакля,—правда-ли, что онъ такъ велъ себя. Онъ отвѣтилъ: „Совершенная правда“. Тогда я ему предложилъ намъ не мѣшать работать и оставить службу, если онъ не можетъ сдерживать себя. За службу въ Петербургѣ ему слѣдуетъ 84 руб., а получилъ онъ 93 р. 50 к. Курьезнѣе всего, что „жалобщиками“ явились тѣ лица, которые подняли „антихолерную“ кутерьму и заявили при всей труппѣ, что они готовы работать за третью жалованья, лишь бы не везли ихъ въ Петербургъ.

О. Усоловъ.

Провихціальная лѣтопись.

ОДЕССА. Выдающийся успѣхъ „Дней нашей жизни“ особенно ярко подчеркиваетъ вопиющую бѣдность современной отечественной драматургии.

Пьеса г. Андреева создаетъ повсюду (особенно у насъ въ провинціи) настолько замѣтный подъемъ общественнаго настроенія. Я обхожу навязчивый вопросъ: какими таинственными путями забрелъ этотъ признанный мистикъ и чистѣйшей воды модернистъ въ область реально-бытовой драмы, столь чуждой всему складу его, рано состарившейся, зараженной необычайнымъ скептицизмомъ, въ конецъ извѣрившейся, душѣ. Счастливый ли это „поворотъ къ реализму“, котораго такъ страстно домогается извѣстная часть критики и отъ котораго самъ авторъ—тѣмъ не менѣе—боязливо откешивается, или, попросту—дань безвозвратно исчезнувшей молодости, одинъ изъ тѣхъ бѣглыхъ, „полусерьезныхъ“ и ни къ чему не обязывающихъ набросковъ, которыми, вообще, любятъ—послѣ усиленнаго напряженія творческихъ силъ—отдыхать художники?

Въ послѣднее время усиленно заговорили о такъ называемомъ „кризисѣ“ театра.

Отъ столкновенія всевозможныхъ теченій, нормальная дѣятельность театра подвергается вліянію цѣлаго ряда „случайностей“ и на современной русской сценѣ царитъ великій сумбуръ разнорѣчивыхъ понятій.

А, между тѣмъ—именно въ настоящее время, силою вещей публика лихорадочно устремилась туда, гдѣ живое и яркое слово можетъ дать ей разгадку „проклятыхъ вопросовъ“. Театръ сталъ для русской интеллигенціи единственнымъ „спасительнымъ“ средствомъ, выросши неожиданно до значенія чуть ли не общественной трибуны.

„Для нашей жизни“—рядъ болѣе или менѣе удачныхъ жанровыхъ картинъ въ драматическомъ видѣ. И въ этомъ успѣхѣ пьесы многое, конечно, должно быть отнесено на счетъ исключительной популярности имени автора. Но г. Андреевъ сумѣлъ такъ ярко и жизненно, такъ оригинально изложить на сценѣ свою въ сущности банальную тему, что зритель—обвиняемый весеннимъ потокомъ молодости и безшабашной удали, захваченный ужасомъ обнаженного уголка жизни, всецѣло отдается впечатлѣнію чего-то яркаго и сильнаго, властно захватывающаго всей непосредственностью искренняго дарованія. И въ этомъ—причина настоящаго успѣха „Дней нашей жизни“.

Для г. Вагрова „Дни нашей жизни“ явились—какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать—настоящей „Маскоттой“: пьеса идетъ уже въ 10 разъ, что въ нашей театральной хроникѣ—явленіе далеко не заурядное. По примѣру столицы—первая постановка пьесы у насъ раздѣлила и профессиональных критиковъ и рядовыхъ театраловъ на два „непримиримыхъ“ лагеря. Большинство, конечно, восторгается пьесой, а публика en masse—закрѣпила свое одобреніе пьесѣ десятку прекрасными сборами. И, хотя почтенный И. В. Александровскій (одинъ изъ компетентѣйшихъ судей въ вопросахъ театрального искусства) старается увѣрить своихъ читателей въ противномъ, демонстрируя намеренно сгруппированные одни лишь *неодобрительные* отзывы столичной прессы о „Дняхъ нашей жизни“—тѣмъ не менѣе повсемѣстный выдающийся успѣхъ пьесы сталъ непреложнымъ фактомъ.

Гастроли де-Грассо явились какъ разъ кстати. Онѣ напомнили русскому актеру и его заботливому наставнику-режиссеру, что залогъ художественнаго успѣха, да и сама „суть“ сценическаго искусства—не въ „мудрствованіяхъ лукавыхъ“, а въ жизненной правдѣ игры, въ священномъ огнѣ вдохновенія, въ подлинномъ артистическомъ темпераментѣ. Къ сожалѣнію, наша публика не особенно жаловала сицилійскихъ гостей. Правъ А. В. Амфитеатровъ, находя, что „первая впечатлѣнія этой сильной фигуры столь громадны, что послѣдующія кажутся уже—разочарованіями“. Но что особенной заслуживаетъ похвалы—такъ это безукоризненный ансамбль труппы, основанной, конечно, не на идеальной муштровкѣ актеровъ, режиссеромъ тутъ каждый исполнитель—мастеръ своего дѣла, несомнѣнный художникъ. Успѣхъ де-Грассо раздѣляла у насъ г-жа Агулія.

Матеріальный успѣхъ „Дней нашей жизни“ далъ антрепризѣ возможность ставить пьесы, имѣющія свой ограниченный кругъ слушателей, и потому не всегда способныхъ окупить хотя бы только вечеровой расходъ. Сюда относятся: „Снѣгъ“ Пшибышевскаго (Бронка-Юренева), „Росмерсхольмъ“ Ибсена (Ревека-Голубева) и, наконецъ, знаменитые гауптмановскіе „Одинокіе“. Сумбурная пьеса Ал. Вознесенскаго. „Хоть“ далъ богатый матеріалъ газетнымъ юмористамъ „Хоть“, тѣмъ не менѣе, далъ полный сборъ, тогда какъ—„Одинокіе“ Гауптмана шли... благотворительнымъ спектаклемъ и едва-едва собрали половину театра.

Разыгрывается пьеса очень старательно; и прежде всего необходимо отмѣтить г-жу Шухминю, создающую въ роли Катѣ трогательной образъ горячо любящей и несчастной женщины. Очень выгодное впечатлѣніе произвелъ г. Берсеневъ въ роли

Іоганнеса и безусловно хороши г-жа Голубева—Анна Маръ и г. Павленковъ—Фокератъ и Радимъ—Браунъ.

Кромѣ указанныхъ пьесъ идутъ: „Черныя маски“ Л. Андреева, „По ту сторону рѣки“ П. Гиришбейна и др.

Неудачи продолжаютъ преслѣдовать г. Вагрова: пользующійся исключительнымъ успѣхомъ у публики С. И. Горѣловъ тяжело занемогъ и вынужденъ оставить сцену до осени. Прощальный бенефисъ симпатичнаго артиста сопровождался бурными овациями публики, превратившей обширную сцену Гор. театра въ настоящій цвѣтникъ—бенефицианта положительно забросали цвѣтами.

Ц. Остроменскій.

ВОЛОГДА. Зимній сезонъ. Антреприза Вяхирева. Сезонъ открылся 1 октября „Весеннимъ потокомъ“. Съ тѣхъ поръ послѣдовательно поставлены: „Идиотъ“, „Цѣна жизни“ (2), „Горе отъ ума“, „Старый закалъ“, „Казенная квартира“, „Гонимые“ (2), „Мѣщане“, „Ревизоръ“, „Братья помѣщики“, „Безработные“, „Трильби“, „Дѣльцы“ (2), „Сынъ императора“, „Гусарская лихорадка“, „Дѣти Ванюшина“, „Степной богатырь“, „Кандидатъ въ Городскіе головы“, „Король“, „На покое“ (2), „Марья Ивановна“, „Казнь“, „Гетера Лаиса“, „Жить хочется“, „Гибель Содома“, „На днѣ“, „Шахта Георгій“, „Самсонъ“, „Огни Ивановой ночи“, „Гроза“, „Смерть и жизнь“, „Жертва воспитанія“ (2), „Отелло“, „Сестра Тереза“, „Смерть Іоанна Грознаго“, „Анна Каренина“, „Безправная“, „Новый міръ“, „Бѣдность не порокъ“, „Орленокъ“, „Дуракъ“, „Дѣти солнца“, „Грѣхи отцовъ“, „Варфоломеевская ночь“, „Брандъ“ (2), „Призракъ“, „Вишневый садъ“, „Двѣ сиротки“, „Вожди“, „Соколы и вороны“.

Готовится къ постановкѣ „Дни нашей жизни“ Л. Андреева.

Какъ видно по перечисленнымъ пьесамъ, репертуаръ очень выдержанъ и такимъ остается до сихъ поръ. Это дѣлаетъ честь антрепренеру, такъ какъ вологодская публика, падкая до фарсовъ и мелодрамъ, плохо посѣщаетъ театръ. Впрочемъ, теперь дѣла, какъ будто, начали поправляться.

Въ художественномъ отношеніи спектакли идутъ удовлетворительно, съ хорошимъ ансамблемъ.

Постановка пьесъ тщательная, насколько это позволяютъ убогія декорации городского театра.

Труппа лучше, чѣмъ въ прошломъ году. Она состоитъ изъ молодыхъ, дружно работающихъ артистовъ. Наибольшимъ успѣхомъ пользуются Анличанова, Самойлова, Васильевъ, Волковъ и Литвиновъ.

Недурные артисты—Ангарова, Даль-Туманова, Полторацкія. Изъ вторыхъ артистокъ выдѣляется Васильева (субретка).

Кромѣ перечисленныхъ въ составъ труппы входятъ: Бравская, Денегри, Звѣрева, Лидина, Манина, Морозова, Соловьева, Яковлева, Андреевъ, Дагьяловъ, Дунайскій, Кирѣевъ, Киндеринскій, Лушковъ, Петровъ и Угодинъ. Режиссируетъ Васильевъ. Сценируетъ Кирѣевъ. Суфлируетъ Юдинъ. Кассиръ Зарембо.

Городской театръ на зиму 1909—10 опять снятъ г. Вяхиревымъ на прежнихъ условіяхъ, т. е. за 1700 рублей безъ бѣфета и вѣшалки.

Вяхиревъ просилъ сдать ему театръ на 2 года, считая съ 1-го февраля 1909 года, но Управа не нашла возможнымъ удовлетворить это ходатайство.

Винюитъ.

ИРКУТСКЪ. Театральная дѣла идутъ не важно; сборы выше 300 р. на кругъ, какъ въ Общественномъ собраніи, такъ и въ городскомъ театрѣ не поднимаются. Антрепренеръ городского театра г. Арнольдъ въ дефицитъ двухъ мѣсяцевъ уже телеграфировалъ непосредственно въ журналъ „Т. и И.“. Къ этому нужно лишь добавить, что дирекція городского театра, боясь за исходъ текущаго сезона, ежедневно почти обсуждаетъ злободневный вопросъ: „какъ быть далѣе?“ Но до сихъ поръ ни къ чему реальному не пришла. Городская дума, которой также предлагался на обсужденіе данный вопросъ, воспользовалась лишь случаемъ „поговорить“. Нѣкоторые изъ гласныхъ горячо перекали дирекцію за допущеніе въ театрѣ порнографическихъ зрѣлищъ, на что имъ весьма резонно оппонировали: „Если допустить оперетку, то нечего говорить о насажденіи нравственности“. Мѣстные газеты также были полны укоровъ за допущеніе на сценѣ городского театра „Парижской жизни“ и др. подобнаго рода оперетокъ, но антрепренеръ на нихъ только и имѣлъ кой-какіе сборы.

Въ поискахъ за сборами г. Арнольдъ не стѣсняется рекламой. Въ недавно появляется такой шедевръ: „Петербургская Карменъ. Въ 4-мъ дѣйствіи циркъ. Кромѣ имитации борьбы примутъ участіе 8 профессиональных борцовъ (слѣдуетъ перечисленіе ихъ фамилій). Премія—500 рублей“ и т. д. Дирекція городского театра запротестовала. Г. Арнольдъ, по словамъ директоровъ театра, пригрозилъ имъ, что онъ возбудитъ гражданскій процессъ за утрату тѣхъ полныхъ сборовъ, которые, внѣ всякаго сомнѣнія, по его предположеніямъ, должны были дать цирковые борцы.

Публика окончательно прекратила посѣщеніе спектаклей городского театра. Городское управленіе на будущій сезонъ, кажется, займется сценой безъ услугъ антрепренера.

Труппа товарищества въ Общественномъ собраніи за первую половину втораго мѣсяца работала хорошо, но послѣдняя недѣля нѣсколько испортила сборы, хотя большихъ убытковъ

нѣтъ и праздники дѣла поправяютъ. Сейчас анонсируютъ „Генералиссимуса Суворова“, послѣ давшей два хорошихъ сбора пьесы „Петръ Великій“. Прошли бенефисы Нарокова („Старый закалъ“), Панцеховской („Потонувшій колоколь“), Вронскаго-Теодоровичъ („Когда рыцари были храбры“).

Драматическая труппа Общественнаго собранія за второй мѣсяцъ взяла сборовъ болѣе чѣмъ за первый, подойдя къ цифрѣ 300 р. на кругъ но ихъ печалитъ то обстоятельство, что даютъ сборы пьесы: „Фельдмаршалъ Суворовъ“, „Петръ Великій“, „Натъ Пинкертонъ“. А новинки сезона „Бѣлая ворона“, „Дни нашей жизни“ и др. сборовъ совершенно не дѣлаютъ; исключеніе составляетъ лишь пьеса Рышкова „Казенная квартира“. Товарищество уповаетъ на рождественскіе праздники, думая въ періодъ ихъ покрыть убытки и создать хоть небольшой фондъ на будущее время, чтобы легче вести предпріятіе, которое въ настоящее время сильно нуждается въ оборотныхъ средствахъ.

Въ городѣ работаетъ нѣсколько синемаграфовъ: Миражъ, Электро-театръ, Біоскопъ, Одеонъ, Иллюзионъ и Новый электр. театръ, которые въ среднемъ, ежедневно, зарабатываютъ 200 руб. или 6000 руб. въ мѣсяцъ minimum безъ праздниковъ, которые по скромному расчету даютъ на всѣ синемаграфы 10—15,000 руб. Въ виду этого на долю драматическихъ зрѣлищъ остаются крохи, которыми кой-какъ и сыты.

Мѣстное отдѣленіе И. Р. М. О., пригласившее въ составъ своихъ профессоровъ виолончелиста А. В. Вербова, устраиваетъ время отъ времени довольно интересные концерты, пользующіеся у мѣстныхъ меломановъ успѣхомъ, число учениковъ настолько велико, что не хватаетъ помѣщенія; вообще, нужно сказать, что школа съ каждымъ годомъ становится тверже на ноги,—дефицитовъ менѣе и появилось болѣе увѣренности въ ея пользѣ.

П. Н. Колотилова.

ЕВПАТОРІЯ. Съ открытіемъ новаго театральнаго зала О-ва трезвости, здѣсь въ зимніе сезоны играютъ болѣе или менѣе порядочныя труппы. Продолжительность сезона 2—3 мѣсяца. Послѣ очень недурно законченнаго прошлаго сезона (антреприза Д. Я. Яковсона), въ нынѣшнемъ году у насъ играетъ русская драматическая труппа подъ фирмой „Товарищество Новой драмы“. Сезонъ открылся 30 октября пьесой Евдокимова „Непогребенные“, которые прошли 3 раза, затѣмъ поставлены были пьесы: „Воръ“, „Степной богатырь“, „Первая ласточка“, „Натъ Пинкертонъ“, „Разводъ“, „Забубенная головушка“, „На крыльяхъ“, „Ихъ четверо“, „Темная сила“, „Три сестры“, „Радуга“, „Жизнь человѣка“, „Двѣ сиротки“, „За монастырской стѣной“, „Въ люди“, „Казенная квартира“, „Вторая молодость“, „Красный фонарь“, „Крестьяне“, „Безъ просвѣта“, „Дуракъ“, „Чортъ“...

Спектакли идутъ съ ансамблемъ, труппа нравится. Дѣла товарищества среднія. За первый мѣсяцъ выручено около 1800 руб. валовой прибыли, что при сравнительно небольшихъ расходахъ, удовлетворительно. Статиста 4 спектакля въ недѣлю.

Составъ товарищества: О. А. Бочарова, Е. П. Васильева, А. А. Докучаева, И. Д. Ирова, М. О. Каренина, А. В. Кравцовская, П. Д. Мирская, Д. Н. Бочаровъ (распорядитель труппы), И. А. Добровольцевъ (режиссеръ), М. В. Субботинъ, А. В. Ратмировъ, В. А. Драгомировскій, Б. Э. Громовъ, А. М. Ленинъ, Н. А. Федосѣевъ (помощникъ режиссера), І. А. Апіановъ (суфлеръ).

ТАШКЕНТЪ. Послѣ долгаго промежутка, т. е. съ окончанія лѣтнихъ гастролей труппы З. А. Малиновской, у насъ играла съ 25 октября по 30 ноября опереточная труппа подъ дирекціей М. П. Ливскаго. Всего прошло только 36 спектаклей, хотя по контракту сезонъ долженъ былъ продолжаться до Рождества включительно.

Чего боялся антрепренеръ, неизвѣстно, т. к. сборы были на кругъ около 450 рублей. Организуя труппу для цѣлаго зимняго сезона и для турнѣ по десятку городовъ, непременно слѣдовало на первыхъ порахъ разсчитывать, если не на убытокъ, то во всякомъ случаѣ не разсчитывать на большіе барыши. Труппа новая, безъ готоваго репертуара, не съ полнымъ ансамблемъ (не было втораго комика, простака) не могла, конечно, дѣлать битковые сборы.

Ташкентъ—городъ избалованный, населенный массою пріѣзжихъ, видѣвшихъ прекрасные составы оперетокъ; да къ тому же небогатое населеніе при страшной дороговизнѣ идетъ въ театръ лишь на новыя пьесы, да еще при хорошемъ исполненіи. А г. Ливскій, между тѣмъ, изъ новаго репертуара, не шедшаго въ Ташкентъ, далъ только, правда при очень хорошемъ ансамблѣ: „Ночь Любви“ (прошла 7 разъ), „Важная Персона“, „Въ вихрѣ вальса“ (2 раза) и „Дама отъ Максима“ (2 раза).

Общій составъ труппы очень ровный, сыгравшійся, съ очень хорошимъ женскимъ хоромъ. Изъ исполнителей выдавались и пользовались успѣхомъ: г. Морфесси (баритонъ), г. Дмитріевъ (комикъ) и г. жа Дези-Дорнъ (каскадная). Пользовались симпатіями публики также г. Поптавцевъ—хорошій режиссеръ, и молодой начинающій артистъ Сабининъ. Къ сожалѣнію, въ виду какихъ-то пререканій съ дирекціей, первый разстался съ труппой очень скоро, а второй—въ концѣ гастролей.

Играла труппа въ Новомъ театрѣ Коммерческаго Собранія, перекочевывая раза два въ недѣлю въ Военное Собраніе.

Въ городѣ, между прочимъ, носились слухи, отчасти проникшіе въ мѣстную печать, о „тренихъ“, возникшихъ на почвѣ контракта между г. Ливскимъ и администраціей Собранія, это, говорятъ, и послужило отчасти причиной преждевременнаго отъѣзда труппы изъ Ташкента.

Около 15 декабря будетъ открытъ еще одинъ театральныи залъ при Общественномъ Собраніи, очень порядочно отдѣланный, вмѣщающій вмѣстѣ съ хорами около 700 человѣкъ.

Кромѣ труппы г. Ливскаго Ташкентъ за послѣдніе два—три мѣсяца посѣтили: баритонъ Шевелевъ съ Линой Лелиной (сопрано) и пианисткой Аптекаревой, „Омега-Concert en tragues“ подъ упр. г. Шумскаго, исполнительница цыганскихъ романсовъ Тамарина, но никто изъ нихъ особаго успѣха не имѣлъ.

Въ данное время анонсируются съ 26 декабря гастроліи оперной труппы подъ управленіемъ О. О. Бестрихъ въ Новомъ театрѣ Коммерческаго Собранія.

Иванъ Мируничъ.

ВЯТКА. Матеріальныя дѣла у г-жи Ковалевой очень не важны. Сильно вліяетъ на отсутствіе сборовъ наличность въ городѣ трехъ „электро-біоскоповъ“ и Народнаго дома, понизившихъ входную плату до minimum'a. (Въ Нар. домѣ, напр., цѣны отъ 8 до 50 коп.). Ансамбль у труппы, однако, приличный и обставляются пьесы тщательно. Изъ артистовъ пользуются успѣхомъ: г-жа Потоцкая, гг. Новащи, Горинъ, Машкій.

Въ репертуарѣ заключается все, что хотите: и фарсъ въ родѣ „Пѣвчичи Бобинетъ“ и „новинки“ самаго послѣдняго времени и пьесы стиля „Разбойникъ Чуркинъ“, „Натъ Пинкертонъ“ и т. п. Интересно прошли: „Марья Ивановна“ Чирикова, „Казенная квартира“ Рышкова, „Надъ оврагомъ“ пьеса мѣстнаго автора г. Вершинина, „Дуракъ“ и др.

Начались бенефисные спектакли. Первый бенефисъ былъ у г-жи Князевой, поставившей „Ксенія и Лжедмитрій“. Г-жа Максимова поставила „Марю посадницу“, г. Горинъ (режиссеръ) „У царскихъ вратъ“. На-дняхъ предстоитъ бенефисъ г-жи Потоцкой, ставящей „Орленка“.

Если сборы не поднимутся, дефицитъ для антрепренерши будетъ огромный, т. к. только за первый мѣсяцъ сезона онъ превысилъ 800 рублей.

Поговариваютъ о пріѣздѣ къ намъ оперы и цирка г. Коромыслова. Послѣдній строить свое зданіе и арендуетъ у города мѣсто срокомъ на пять лѣтъ.

С. Леонидовъ.

ТУЛА. Послѣдніе годы—годы упадка театральнаго дѣла въ Тулѣ. Вѣроятно, циркъ и всякіе синемаграфы окончательно убили-бы театръ въ Тулѣ, если-бы судьба не послала намъ новаго антрепренера—Каралли-Торцова. Этотъ антрепренеръ привезъ прекрасную для губернскаго города труппу и работаетъ теперь надъ тѣмъ, чтобы вернуть Тулѣ тѣ времена, когда театральное дѣло здѣсь процвѣтало и даже въ будничные дни спектакли давали полный сборъ. Какъ опытный антрепренеръ, онъ изучаетъ вкусъ публики и въ репертуарѣ чувствуется пока неувѣренность, пестрота.

Къ чести Каралли-Торцова слѣдуетъ сказать, что, дѣлая уступки вкусу публики въ отношеніи репертуара, онъ никогда не прибѣгаетъ къ какимъ либо сомнительнымъ пріемамъ по части заманиванія публики.

До второй половины декабря прошли пьесы: „Вожди“, „Король“, „Привидѣнія“, „Счастье только въ мужчинахъ“, „Вароломеевская ночь“, „Разбойники“, „Гусарская лихорадка“, „Волки и овцы“, „Казнь“, „Да здравствуетъ жизнь“, „Гибель Надежды“, „Марія Стюартъ“, „Горѣ отъ ума“, „Измѣна“, „Плоды просвѣщенія“, „Казенная квартира“, „Царица Тамара“ (2 почти полныхъ сбора), „Благодѣтели челоуѣчества“, „Измаилъ“, „Чортъ“, „Потонувшій колоколь“, „Уріель Акоста“, „Коварство и любовь“ и др.

Несмотря на очень хорошую труппу, спектакли посѣщаются слабо, но интересъ къ театру въ обществѣ замѣтно повышается. Можно съ увѣренностью сказать, что если Каралли-Торцовъ сниметъ театръ и на будущій годъ, то въ борьбѣ съ равнодушіемъ къ театру тульской публики онъ выйдетъ побѣдителемъ.

Другъ театра.

РЖЕВЪ (Тверской губерніи). Съ 5-го октября начались спектакли драматической труппы Д. А. Вышеградскаго. Составъ: г-жи Красницкая, Некрашъ, Немирова, Вершинина, Симановская, Нѣвашъ, Тарьянова, гг. Рудинъ-Калпашиковъ, Волконскій, Бородинъ, Нѣвашъ, Вышеградскій, Животовъ.

Открыли „Непогребенными“. Прошли слѣдующія пьесы: „Свадьба Кречинскаго“, „Мораль пани Дульской“, „Казнь“, „Власть тьмы“, „Дѣти Ванюшина“, „Пѣвчича Бобинетъ“, „Трильби“, „Бѣлый ангелъ“.

Труппа сформирована удачно. Вниманія заслуживаютъ: Красницкая—недурная Наташа („Непогребенные“) и Надежда („Бѣлый ангелъ“), Некрашъ—очень типична въ небольшой роли Дары („Непогребенные“) и выдержанна въ г-жѣ Дульской („Мораль пани Дульской“), Немирова—хорошая старуха Ванюшина. Изъ мужского персонала Рудинъ-Калпашиковъ и Нѣвашъ пользуются успѣхомъ. Г. Вышеградскій, пользуясь своимъ положеніемъ, беретъ часто за роли не своего ампула, напримѣръ роль Годды („Казнь“). Сборы плохи. Н. Юрчевъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

— ДѢТИ — ДѢТИ — ДѢТИ — ДѢТИ —

ДѢТСКОЕ НЕЙТРАЛЬНОЕ ОЛИВКОВОЕ МЫЛО.

Приготовлено въ Лабораторіи А. ЭНГЛУНДЪ.

Завѣдующіе Лабораторією Докторъ В. К. Панченко и А. К. Энглундъ.

Нейтральное мыло, не содержащее въ себѣ эфирныхъ маселъ—Рекомендуется также какъ туалетное мыло для ежедневнаго употребленія.

Цѣна 25 коп., съ пересылкой 3 куска 1 р. 30 к.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на фотографическій списокъ, на которомъ изображены 3 мальчика и 1 дѣвочка, внизу напечатано бѣлымъ А. Энглундъ, на оборотѣ куска марка С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекаренскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи. Главныя агентства и склады фирмы для Европы: Гамбургъ—Эмиль Беръ; Вѣна—Лео Глаубаухъ, Кертнеръ Рингъ, 3; Ницца—Е. Лотаръ; для Южной и Сѣверной Америки: Нью-Йоркъ—Л. Мишнеръ.

Главный складъ для всей Россіи А. ЭНГЛУНДЪ, С.-Петербургъ, Новодеревенская набережная, 15.

А. А. ТОННИ

капельмейстеръ и режиссеръ, предлагаетъ желающимъ, готовящимся въ оперетту проходить подъ его личнымъ руководствомъ партіи и роли. Объ условіяхъ узнать: Пет. ст. В. Зеленина, соб. домъ 34—36, отъ 10—12 утра и отъ 4—6 веч. Телеф. 274-01. Отдаю на прокатъ нотную бібліотеку, кланіры, партіи, роли и оркестровки. Режиссирую, дирижирую и управляю разовыми спектаклями также и любительскими, въ С.-Петербургѣ и окрестностяхъ.

Опт. продаж у Т-ва „С.-ПЕТЕРБУРГ.
ТЕХНО-ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“

!ПОМАДА ДЛЯ РОЩЕНІЯ ВОЛОСЪ!

„АРИАДНА“.

Помада для рощенія волосъ „Ариадна“ дѣйствительно замѣчательное средство и не имѣетъ себѣ подобныхъ.

Употребленіе помады „Ариадна“ въ продолженіе 6 мѣсяцевъ даетъ результатъ роста волосъ въ 1/2 арш. и большой густоты.

ЛЫСАЯ ГОЛОВА ОТЪ УПОТРЕБЛЕНІЯ ПОМАДЫ „АРИАДНА“

не зарастетъ,

по начинающемуся плѣши отъ сильнаго паденія волосъ совершенно прекратится и зарастетъ густыми волосами. Помада „Ариадна“ не сдѣлаетъ чуда отъ употребленія ея два, три раза и потому мы не предлагаемъ нашимъ покупателямъ пробной банки. Тщательное-же примѣненіе ея дастъ Вамъ желаемыя хорошія волосы.

Цѣна банки 3 р., больш. 5 р.

ПРОДАЕТСЯ ТОЛЬКО ВЪ СВОЕМЪ МАГАЗИНѢ:

С.-Петербургъ. Знаменская, 6.

И нигдѣ въ другихъ мѣстахъ продаваться не будетъ.

Высылается наложеннымъ платежемъ.

Къ сезону!

КОЛОССАЛЬНЫЙ ВЫБОРЪ
ТЕАТРАЛЬНЫХЪ
БИНОКЛЕЙ.

Начиная отъ 4 р. 50 к. съ ахромат. стеклами—до 200 р. Художественно исполненныя оправы знаменит. парижск. мастеровъ и художниковъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
А. БУРХАРДЪ

СПБ., Невскій, 6.

7—7

СКРИПКИ

въ 3, 4, 5, 6, 8, 10, 12, 15, 25 р.
и дор. до 3,000 р.

КОРНЕТЫ

въ 12, 15, 18, 20, 25, 30, 35,
55, 65, 80 р. и дор.

ФЛЕЙТЫ

въ 5, 8, 12, 16, 25, 35, 40, 55,
65, 80 р. и дор.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ
высылается по требованію.

ГИТАРЫ

въ 5, 6, 7, 10, 15, 20, 30,
40 р. и дор. до 150 р.

МАНДОЛИНЫ

въ 4, 5, 6, 8, 12, 15, 20, 30 р.
и дор. до 200 р.

БАЛАЛАЙКИ

въ 1 1/2, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 15,
20, 30 р. и дор. до 100 р.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская ул., № 34. Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина. Рига, Сарайная ул., 15.

Открыта подписка на 1908 год
на ежемѣсячный политическій, литературный
и научно-популярный журналъ

Современный міръ

Журналъ ставитъ своей задачей распростра-
неніе среди читателей идей послѣдовательно-
го политическаго и социальнаго демократизма
и освобожденія личности. Наряду съ вопросами
политической и общественной жизни, журналъ
удѣляетъ серьезное вниманіе вопросамъ есте-
ствовѣдѣнія, литературы, исторіи и искусства.

Журналъ издается при ближайшемъ участіи:
Ф. Ватюшкова, Ник. Гюрданскаго, Вл. Краних-
фельда, М. Куприна, А. Куприна, Евг. Ляцкого,
М. Невѣдомскаго и В. Тарло.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ: Исторія литера-
туры, критика (Критическія статьи Ф. Д. Ва-
тюшкова, В. П. Кранихфельда, Е. А. Ляцкого,
М. П. Невѣдомскаго и др.). Литературные от-
клики (журнальное обозрѣніе Вл. Кранихфель-
да). Вопросы текущей жизни (политическое обо-
зрѣніе Ник. Гюрданскаго). На родинѣ (провин-
циальный обзоръ І. Ларскаго). Корреспонденціи
изъ провинціи. Иностранное обозрѣніе. Коррес-
понденціи изъ-за границы. Наука и жизнь (об-
зоръ новѣйшихъ успѣховъ науки В. Агафонова).
Изъ прошлаго русскаго общества (Воспоминанія,
монографіи, обзоръ историческихъ журналовъ).
Искусство (Статьи по исторіи искусства и кри-
тическая оцѣнка современныхъ (выявленій въ об-
ласти искусства). Библиографія. Обзоръ новѣй-
шей литературы по отдѣльнымъ отраслямъ зна-
нія и отзывы о новыхъ книгахъ).

Условія подписки: Цѣна съ достав. и перес.
по всѣмъ городамъ имперіи: на годъ 8 р., на пол-
года 4 р., на 3 мѣс. 2 р., на 1 мѣс.—80 коп.
За границу 10 р. Допускается разсрочка по
третьимъ годамъ: 3 р. при подпискѣ; 3 р. въ
апрѣлѣ; 2 р. въ августѣ. Безъ доставки изъ
С.-Петербурга—7 р. Учащіеся могутъ выпла-
чивать по 1 р. въ мѣс. Подписка принимается,
кромя главной конторы въ С.-Петербургѣ (Разъ-
ѣзжая, 7), въ отдѣленіяхъ ея: Сиб.—Книжн.
маг. Т-ва М. Вольфа, уг. Невскаго и Морской,
Книжн. магаз. Карбасникова, Гостиный дворъ,
№ 19 и во всѣхъ другихъ книжныхъ магази-
нахъ. Москва.—Контора Н. Д. Печковской и
во всѣхъ крупныхъ книжн. магазинахъ.

Редакторъ-Издательница Л. Э. Ватсонъ.

По состоявшемуся соглашенію между издате-
лями журналовъ „Современный Міръ“ и „Міръ Бо-
жіей“ всѣмъ подписчикамъ журнала „Міръ Бо-
жіей“ высылаются книжки „Современнаго Міра“
въ теченіи всего времени приостановки жур-
нала „Міръ Божій“.

Астраханскій Листокъ

(43-й годъ изданія).

Плата за объявленіи со строки печати: пе-
редъ текстомъ 20 коп., послѣ текста 10 коп.
Печатающіе болѣе трехъ разъ пользуются скид-
кою 10 проц. Годовыя объявленія—по особому
соглаш. съ конт. редакціи, съ болѣею уступ.

Подписная цѣна съ пересылкою: 1 годъ—
7 руб. 50 коп., 1/2 года—4 руб. 50 к., 3 мѣс.—
3 руб., 1 мѣс.—1 руб.

Редакторъ-издатель В. И. Силабинскій.

Репертуаръ Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ.

Съ 7-го по 14-е Января.

Въ Александринскомъ театрѣ. 7-ю: „Холопы“, 8-ю: „Смерть Іоанна Грознаго“, 9-ю: „Доходы мысисъ Уорренъ“, 10-ю: „Стѣны“, 11-ю: „Не въ свои сани не садись“, 12-ю: „Холопы“, 13-ю: „Маленькій Эиольфъ“, „Раскольниковъ и Порфирій Петровичъ“.

Въ Марининскомъ театрѣ. 7-ю: „Донъ-Жуанъ“, 8-ю: „Гугеноты“, 9-ю: „Аленькій цвѣточекъ“, балетъ, 10-ю: „Лознгринъ“, 11-ю: „Дубровскийъ“, 12-ю: 7-й концертъ А. Зилоти, 13-ю утр.: „Лознгринъ“, вѣч.: „Ручей“.

Въ Михайловскомъ театрѣ. 7-ю: Бла-
гочинительный спектакль, 8 и 10-ю: „Les
Transatlantiques“, 9-ю: „Le guisseau“, 11-ю:
Спектакль въ пользу Императорскаго те-
атральнаго училища, 12 и 13-ю: „Patachon“.

НОВАЯ ПЬЕСА

изъ современной жизни

„ПРЕДАТЕЛИ“

въ 4 д. соч. К. Н. С-ва, рукопис. ценз. экз.
5 р. Комис. отдѣлъ конторы „Т. и М.“.

ВСЕ ДЛЯ СЦЕНЫ.

Первое на югѣ Россіи художественно-декоративное ателье.

Изготавливаетъ немедленно и по самымъ доступнымъ цѣнамъ

ВСЕ ДЛЯ СЦЕНЫ:

декораціи, обстановку, бутафорію, полное оборудованіе сцены по послѣднему слову
театральной техники.

Особо дешевыя смѣты для народныхъ театровъ, клубовъ и аудиторій.

Подробныя свѣдѣнія и смѣты требовать: Одесса, контора

художника М. БАСОВСКАГО.

М. Арнаутская, д. 60, кв. 18.

Вырѣжьте на память — пригодится.

52—21

Слабыя въ развитіи или въ ученіи оставшія дѣти, а также малокровныя, себя слабо
чувствующіе и нервные, переутомившіеся, легко раздражающіеся взрослые всакого воз-
раста употреблять, какъ укрѣпляющее средство, съ болѣею успѣхомъ

Гематогенъ Д-ра ГОММЕЛЯ.

Аппетитъ увеличивается, душевныя и тѣлесныя силы повышаются, вся нервная
система усиливается.

Имѣется во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Требуйте только настоящій Гематогенъ Д-ра ГОММЕЛЯ и не допускайте называть
себя поддѣлокъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЕ

МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ

УТВЕРЖД. ПРАВИТ.

МОРСКАЯ, 36 и Оперные Курсы 36 МОРСКАЯ,
Тел. 275-30 Тел. 275-30

ФИСТУЛАРИ и ЗАСЛАВСКАГО.

Составъ преподавателей: Пѣніе: ар. Им. Оп. М. Я. ВУДКЕВИЧЪ, проф. Конс. К. ФЕРНИ-
ДЖИРАЛДОНИ, ар. Им. Оп. А. М. ДАВЫДОВЪ, проф. І. І. МОРРЕЛЛИ Фор-
теп. Г. Я. ФИСТУЛАРИ, Г. Н. РОМАНОВСКІЙ, Е. М. РАНУШЕВИЧЪ,
К. Р. ЖУКОВИЧЪ. Скрипка—Г. Я. ЗАСЛАВСКІЙ. Виолончель—соп. Им. Оп. Е. В.
ВОЛЬФЪ. Нгарль. Контрб.—ар. Им. Оп. Г. БУХЪ, А. Ф.—соп. ДМ. ИНД-
РЕВЪ. Флейта—ар. Им. Оп. В. И. ЦЫБЕНЪ. Гобой—преп. Конс. В. Д. ТЕДЪ.
Кларнетъ—ар. Им. Оп. О. Р. ВОЛЬФЪ. Фантоа—ар. Им. Оп. В. Я. ХАЛИПЪ.
Труба—преп. консер. А. Б. ГОРДОНЪ. Волторна—ар. Им. Оп. А. О. СОЛЫСКИ.
Тромбонъ—пр. конс. Н. Н. ВОЛКОВЪ. Специально-оперный классъ—ар. Им. Оп.
А. М. ДАВЫДОВЪ и Г. Я. Фистулари. Специальныя теоріи—Г. Я. ФИСТУЛАРИ,
Е. М. РАНУШЕВИЧЪ. Исторія Музыки—Н. Д. ЧЕРНЫШЕВЪ. Бесплатн.
Оркестровый и хорскій классъ.—Г. Я. ФИСТУЛАРИ. Сопровожд. хора и клар.
классъ—Г. Я. ЗАСЛАВСКІЙ. Драматическ. классъ—быв. гл. режис. др. Им. т. и глав.
реж. т. Лит.-Худ. Общества Е. И. КАРЦОВЪ, быв. реж. т. Явор. С. М. РАТОВЪ.
Исторія театра и быта—Д-ръ В. В. ЧЕХОВЪ. Гимн.—К. А. ДРОВДОВЪ. Фе-
хационъ—Д. А. ЛЕМАНТОВЪ. Пластика и мимика и сценич. танцы prima-
балерина Им. бал. О. О. ПРИБРАЖЕНСКАЯ. Практ. занят. по драм. кл. начин.
съ 1-го сем. При курсахъ устроены концерты, балы и сценки со всѣмъ приспособ.
Начало занят. 7-го января. Пріемъ новыхъ поступившихъ свободн. съ 12-ти ч. у. до 6-ти в.
Програм. выдаются и высыл. бесплатно.

Режис. Бр. Дидерихсъ.

Дирекція курсовъ:

Г. Я. Фистулари.
Г. Я. Заславскій.

Въ комис. отдѣлѣ при конторѣ
журнала поступили слѣд. пьесы:

„Давидъ“ (Озъ волной), в. въ 2 д. Ш.
Аша ценз. экз. 5 р. Роли 2 р. 50 к.

„Грѣхъ“, въ 1 д. Ш. Аша, 1 р. (Безъ разр.)

„Мормоны“, въ 3 д. по Кенанъ-Дой-
лю (Реперт. Варшав. т.), 1. 2 р.

„Марья Ивановна“, в. въ 4 д. Н. Чи-
рикова. Ценз. экз. 2 р. 50 к., к. р. 4 р.

„Руки вверхъ“, шутка въ 1 дѣйств.
К. Трепеза, ц. 50 коп.

„Эрозъ и Психея“ Жулавскаго, пер.
А. Френкеля, ц. 60 к.

„Хорошенькая“, въ 4 д. Падеева,
ц. экз. 2 р. 60 к. Роли 4 р.

МАЛЕНЬКАЯ БИБЛИОТЕКА

журнала „Театръ и Искусство“.

„Черныя вороны“, В. В. Протопопова
(съ иллюстраціями) (третье изданіе),
цѣна 60 коп.

„Пребужденіе весны“, Ф. Веденкина,
пер. Ел. Кугель. Второе изд., ц. 50 к.

„Религія красоты“ (общество улучше-
нія человѣч. породы), Ф. Веденкина,
Пер. Ел. Кугель, ц. 50 коп.

„Розы“, Г. Зудермана, пер. В. Тома-
шевской и Ел. Кугель, ц. 50 к.

„Актриса“, Г. Мана, пер. Е. К., ц. 25 к.

„Вейгандъ“, І. Шлафа, пер. Алексѣя
Ремезова, ц. 40 коп.

НОВАЯ ПЬЕСА

„Послѣдняя кража Рафльса“.

Комедія въ 4 д. Н. А. Смурскаго. Высы-
лаютъ Совѣзъ драматическихъ писателей.

СПБ. Янская 1. 2—1

РОЯЛИ ПІАНИНО

К. М. Шредеръ

С.-Петербургъ.—Невскій, 52, уг. Садовой.

ОМСКАЯ ГОРОДСКАЯ УПРАВА

объявляетъ, что съ 1 сентября 1908 г. Городской театръ сдается въ аренду; условія сдачи театра будутъ высланы по требованію желающихъ. Заявленія о желаніи взять театръ въ аренду принимаются Городской Управой до 15 января 1908 г.

5—4

г. КІЕВЪ.

Театръ Т-ва Грамотности сдается на Пасху и Пасху подъ оперу и драму. За условіями обращаться въ контору театра.

3—1

ТЕАТРЪ

Харьковскаго Коммерческаго Клуба

съ 1-го Сентября 1908 года свободенъ. Объ условіяхъ узнать въ Конторѣ Клуба: г. Харьковъ, Рымарская ул., соб. домъ № 21.

2—1

ТЕАТРЪ КОМИССАРЖЕВСКОЙ

Офицерака, 39. Телефонъ 19-50.

Въ четвергъ, 10 Января, открытіе сезона Украинской труппы О. З. СУСЛОВА

Съ участіемъ извѣстныхъ артистовъ:

Е. Ф. Зарницкой, Н. Ф. Чарновской, Л. Я. Манько и И. А. Науменко:

„ЗАПОРОЖЕЦЪ ЗА ДУНАЕМЪ“, оп. Гулакъ Артемовскаго и „ШЕЛЬМЕНКО-ДЕНЬЩИКЪ“, ком. Квитки Основненіе.

Хоръ 40 человѣкъ, собственный оркестръ.

Дирижеръ ХАРЬКОВСКІЙ.

Въ пятницу.—Цыганка Аза и Бувальщина.

Билеты продаются въ кассѣ театра съ 5 Января.

О. СУСЛОВЪ.

СДАЕТСЯ въ УФѢ

ЛѢТНІЙ ТЕАТРЪ г. ВИДИНЪЕВА съ 15 Іюля по 1 Сентября 1908 г.

для оперы, оперетки и малороссійскихъ спектаклей. За условіями: сдачи театра — обращаться къ П. П. Медвѣдеву въ г. Владикавказъ, въ зимній театръ. 4—1

Театръ каменный

въ большомъ городѣ, на 1200 чел. продается съ переводъ долга очень выгодно. со всѣмъ инвентаремъ въ полномъ ходу. Театръ новый, съ электрич. и паровымъ отоплен. Обращ. письмен. Москва, Пречистенка, д. ки. Волкозскаго, кп. № 1. Л. М. А.

5—5

въ г. ХАРЬКОВѢ МАЛЫЙ ТЕАТРЪ

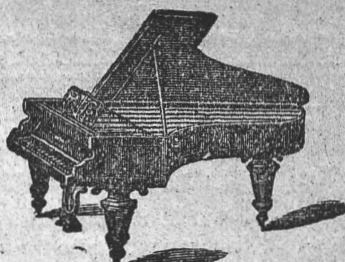
свободенъ Пасху, Пасху и Рождество 1908 г. Обращаться: Харьковъ, Малый театръ А. М. Львову. 3—1

Братья Р. и А. ДИДЕРИХСЪ.

С.-Петербургъ, Владимірскій пр., 8.

Телефонъ № 3561.

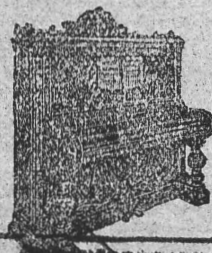
РОЯЛИ. * ПІАНИНО.

Высшая награда 1896.

Высшая награда 1900.

Высшая награда 1904.

Гос. Театръ, С.-Петербургъ.

Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Издат. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86, А. В. ДУНАЧАРСКОГО